

Владимир
КОЛЫЧЕВ

Твое место на зоне

Мент правосудия

Владимир Григорьевич Кольчев

Твое место на зоне

Серия «Мент правосудия», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164811

Владимир Кольчев. Твое место на зоне: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-24101-9

Аннотация

Давно скрестились пути-дорожки опера Сергея Комиссарова и матерого бандюги Холода. Из-за мента попал Холод на зону. Отмотал срок. Короновали его – стал законником. А у вора в законе больше возможностей отомстить менту, чем у простого бандита. Но и опер не лыком шит, его голыми руками не возьмешь. Он уверен, что Холоду место на зоне, и когда-нибудь его снова туда отправит. А уж когда бандит похищает любимую женщину Сергея, оперу становится ясно – им вдвоем по одной земле не ходить...

Содержание

Часть I	4
Глава первая	4
1	4
2	16
Глава вторая	30
1	30
2	41
Глава третья	61
1	61
2	68
3	76
Глава четвертая	87
1	87
2	107
Часть II	113
Глава пятая	113
1	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Владимир Колычев

Твое место на зоне

Часть I

Глава первая

1

Июльская ночь хороша на Черноморском побережье – море, пальмы, тепло на крыльях морского бриза. Ровно два года назад Сергей Комиссаров отдыхал в Сочи. Красота. А сейчас он в Афгане. Ничего общего с курортом. Горы, высота – четыре тысячи метров над уровнем моря. Днем жара такая, что камни плавятся, а ночью в полном горном снаряжении и бушлате дуба даешь. И костерок не разведешь – нельзя, демаскировка. Но есть проверенный способ согреться. Безалкогольный. Надо полностью расслабить тело и представить, что в чреве у тебя жарко полыхает печка-буржуйка. А можно представить, что ты лежишь в шезлонге на берегу Черного моря. Сергей представлял. Но головы не терял и зорко следил за обстановкой...

Старшим группы был лейтенант Соломин, год как из училища, но уже достаточно опытный командир. Ему двадцать два, Сергею – двадцать один, почти ровесники. Олег – офицер, командир взвода, Сергей – старший сержант, его заместитель. Гусь свинье не товарищ, офицер солдату не друг. Это правило, но есть исключения, например Сергей и Олег. Земляки они. Из одного города. Правда, раньше друг друга не знали. Но попали служить в одну роту, вместе мужали в суровых боевых условиях, вместе командуют взводом. Один пуд соли на двоих, хлеба краюха напополам. Так уж повелось...

Караван показался в три часа ночи. За первым верблюдом – второй, за вторым – третий, за третьим – четвертый... Караван этот должен был везти оружие. Но тогда верблюды прогибались бы под тяжестью железа, ступали тяжело, хрипели от натуги, с морды бы клочьями срывалась пена. А эти идут легко, как будто в тюках не оружие, а корм...

Зато у десантников оружие наготове – стоит Соломину подать команду, и группа откроет огонь. Но не торопится Олег. Сергей смотрит на него, видит сомнение на лице. Не верит командир, что караван с оружием. И правильно делает, что не верит.

За первым караваном прошел второй. И тоже без оружия. Соломин вызвал по рации танки, поднял группу и подпер ею тыл второго каравана.

К рассвету караваны спустились в долину. С фронта – тан-

ки, в тылу – группа десантников. Капкан. Впрочем, афганцы и не думали сопротивляться. Караваны окружили с шумом и пылью, но без стрельбы. Проверили тюки – ни единого ствола. Мирные караваны, шли в Баграм за хлебом...

Соломин отдал приказ возвращаться на базу. Там его встретили отнюдь не с распростертыми объятиями. Из штабной палатки Олег выходил как в воду опущенный.

– Боевая задача не выполнена, – кисло посмотрел он на Сергея. – Караваны обнаружены, но не уничтожены...

– Но ведь обнаружены же. А не уничтожены, потому что мирные...

– А ты это штабным объясни, – с горькой иронией усмехнулся Соломин. – Они уже наверх об этих караванах доложили, награды себе готовили... Ну и не только себе, может, и нам бы что досталось. А так облом... Штабные так на меня надеялись, а я, получается, их подвел. Вот если бы я уничтожил караваны, и плевать, что они мирные... Им, штабным, плевать. Привыкли, чтобы мы им каштаны из огня таскали. Им медаль на грудь, а я на всю жизнь инвалид по совести. Я же не каратель, я солдат... И ты, Комиссаров, солдат...

– Солдат, – кивнул Сергей. – И за тебя, командир, горой. Правильно сделал, что не стал стрелять...

С молоком матери он впитал в себя простую истину, что насилие – это плохо, что убийство – смертный грех. В школе, а затем в техникуме учили, что советский гражданин обязан творить добро и вести себя примерно. Сергей этому верил –

хорошо учился, активно занимался спортом, принимал участие в общественной деятельности, приводов в милицию не имел. А после техникума он ушел в армию и был отправлен в Афганистан выполнять интернациональный долг. А здесь уже другие ценности. Замполиты по-прежнему пели соловьями о высоких нравственных идеалах, а реальность заставляла брать в руки оружие и убивать. Пусть врагов, но убивать. А даже советский человек не робот, и он не в состоянии за считанные дни перестроить свою психику. Сознание вступает в жестокий конфликт с подсознанием. Мировоззрение гражданской личности с большим скрипом соглашалось с жесткой аксиомой профессионального солдата – убей, чтобы выжить... Сергей прошел через все это. Инстинкт самосохранения оказался в нем сильнее заповеди «не убий». А многие из тех, кто не смог или просто не успел перестроиться, уже отправились на родину в «черных тюльпанах». Сомнения на войне дорого обходятся. В ситуации, где счет идет на секунды, малейшее промедление означает смерть. Война притягательна только для тех, кто не пробовал ее на вкус, а в реальности война – это грязь, кровь и смерть. Убивают тебя, убиваешь ты, какая уж тут романтика?..

Сергей убивал. И готов был убивать дальше. Но пусть его не заставляют убивать мирных жителей. Он солдат, а не каратель... Но штабным-то все равно, кто он такой. Им бы медальку на грудь повесить, и не важно, ценой чьей крови она добыта. А еще в захваченном караване может обнаружить-

ся видео– или просто магнитофон японского производства. Штабные все подберут... Вот она, справедливость наоборот. Одни воюют, а другие жар чужими руками загребают. И ничего с этими подлецами да прохиндеями не поделаешь – во время боя они остаются в тылу, и пулю им в спину не выпустишь. Да и не стал бы Сергей стрелять в своего, даже если он последняя сволочь. Хотя... Чувство справедливости – опасное чувство, в стадии обострения оно способно толкнуть человека на необдуманный поступок...

В сентябре восемьдесят четвертого полк получил приказ силами одного батальона блокировать и уничтожить бандформирование, «окопавшееся» в кишлаке близ старого Герата. Колонна шла по бетонке. БТР-80, БМП-2 – не типичная, казалось бы, техника для подразделения воздушно-десантных войск. Это в Союзе полк был укомплектован БМД – боевыми машинами десанта, с ними же прибыл и в Афган. Но здесь эти машины зарекомендовали себя, мягко говоря, неважно. Что хорошо для быстротечного боя с воздуха, не всегда хорошо для затяжной войны на суше. БМД оказалась хрупкой машиной, с низким ресурсом, слабой ходовой частью. И защищенность аховая. Даже легенда появилась, что «беха» сгорает как спичка за сорок пять секунд. Слухи были преувеличены, но все же факт оставался фактом – БМП была гораздо более защищенной боевой машиной. Не очень надежные БМД быстро выходили из строя, их заменяли на мотопехотную технику. И сейчас полк ВДВ запросто можно

было принять за мотострелковую часть. Разве что у бойцов из-за воротов «хэбэ» и маскхалатов выглядывали тельняшки...

Разведрота шла впереди. Сергей сидел на броне и смотрел на горы. Ушки на макушке. Слева по ходу движения вдоль дороги тянулся керосинпровод, мелькали сторожевые заставы. Керосин предназначался для военной авиации, поэтому «духи» особенно буйствовали в этих местах – то провод подорвут, то подходы к насосным станциям заминируют. Из «зеленки» частенько постреливали – то из минометов шархнут, то из ДШК пальнут. Невесело, но и скучать не приходится.

Колонна свернула с бетонки и двинулась к пункту назначения – напрямки, по пересеченной местности. БМП – машина мощная, ей равнинное бездорожье, что «Жигулям» гравийка. Но трясло здорово. Хорошо, что ехать пришлось недолго. Транспортеры остановились в двух километрах от «обреченного» кишлака. Командир разведроты предусмотрительно выслал вперед несколько пеших дозоров, один из которых возглавил старший сержант Комиссаров.

Скрытно через «зеленку» Сергей провел свою группу к самым дувалам, окружавшим кишлак. Залегли у арык-канала, который снабжал мутной водой чахлые поля и само селение. Наметанным глазом Сергей заметил неплохо укрепленную и замаскированную долговременную огневую точку. Ясно, что этот дот устроен здесь неспроста. «Духи» готовят-

ся отразить штурм, и глинобитное укрепление призвано задержать наступающих десантников.

А основные силы уже на подступах к дувалам. Вот «духи» заметили приближающиеся войска. Из бойницы огневой точки показался ствол ДШК.

– Сука! – сквозь зубы процедил Сергей.

В отличие от Александра Матросова он не стал грудью бросаться на амбразуру. Выдернул из-за спины и приготовил гранатомет РПГ-18, подполз к арыку, вплотную подобрался к укреплению. «Духи» в доте его не видят и не слышат, да и рядом нет никого, кто мог бы обнаружить советского десантника. Он обнаружил себя сам. Направил одноразовую трубу в амбразуру и нажал на спуск. Рвануло так, что земля содрогнулась. Дот надулся и лопнул изнутри. «Духи» приказали долго жить. Досталось и Сергею. На спину рухнул увесистый кусок глины, большой камень упал на ногу. Но это не смертельно. И даже не очень больно. Во всяком случае, можно продолжать бой...

Сергей поднялся на ноги, бросил опустевшую трубу гранатомета, взялся за автомат. В прыжке перепрыгнул через арык, перемахнул через дувал. Его подчиненные за ним, не отстают. Но далеко за дувал уйти не удалось – «духи» открыли огонь из кишлака. Над головой противно засвистели пули, одна вспенила пыль под ногами. Это беспорядочный огонь, нервный, но душманы имеют свойство быстро приходить в себя. Еще чуть-чуть – и захлопают снайперские выстрелы.

– Назад!

Сергей дожидался, когда подчиненные перепрыгнут через дувал в обратную сторону. В него стреляли, он отстреливался – прикрывал отходивших бойцов. Секунды тянулись целую вечность. И в эту вечность мог провалиться сам Сергей. Один точный выстрел, и нет больше Сережки Комиссара. И тогда вечная память гвардии старшему сержанту Комиссарову... А жить так охота...

В родном Омске у него на примете есть девчонка. Даша ее зовут. Ей сейчас всего пятнадцать. Юная красавица с большими бирюзовыми глазами. Она даже и не знает, что Сергей ее приметил... И никогда не узнает, если его сейчас накроет свинцовый смерч. Да что там смерч – одной пули хватит...

Бойцы без потерь перевалили через дувал, открыли огонь по духам. Сергей подпрыгнул, ухватился за верх глинобитной стены, подтянулся... Вроде бы все правильно делает, и сил молодецких полно, но как-то все долго делается, как в замедленной съемке. Зато пули летят быстро – сразу несколько с тошнотворным визгом клюнули стену в каких-то сантиметрах от Сергея, но ни одна не задела его. Повезло... Он перемахнул через дувал. Залег. Возможно, мама все-таки дождется сына домой...

Сергей перезарядил автомат, открыл стрельбу. А тут и батальон подтянулся, ударил по духам основными силами. Один БТР заостренным передком врезался в дувал, снес часть стены. Обзор и сектор стрельбы лучше и быть не мо-

жет, но почему молчит башенный пулемет? Неужели ствол заклинило?.. В запале боя Сергей запрыгнул на броню, через люк скатился внутрь «бэтара», а там наводчик-оператор выкатил на него распухшие от страха зенки, руки трясутся. Салага, новичок, пороху еще не нюхал, оттого и наделал в штаны.

Сергей согнал горе-стрелка с его законного места, припал к прицелу, нажал на гашетку и... ничего. Пулемет молчал. Оказывается, не только стрелка заклинило, но и затвор.

Пулемет КПВТ – оружие мощное, но капризное. Затвор чересчур уж навороченный: то клинит его, то просто-напросто патрон в патронник не попадает. Сейчас же пулемет не взводился, потому что пылью все забило. Но выход есть.

– Соляра у тебя где? – заорал Комиссаров.

Стрелок долго копался, наконец протянул ему канистру с горючим. Сергей накапал солярки на затвор, кое-как его взвел. И давай долбить по духам. Но в соляру было намешано масло – такой дым из затвора, что берегись. Застилает глаза, жжет слизистые, дышать невозможно. Да и вентиляция в «бэтаре» отрегулирована из рук вон плохо – дым и пороховые газы из машины почти не выходили... Сергей стрелял, пока не почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Кое-как выкарабкался из машины, в беспамятстве рухнул под колеса...

Батальон ворвался в кишлак, десантники сломили сопротивление врага. «Духи» бросали оружие, смешивались с

местным населением, но спастись удалось не всем – часть из них была задержана и под усиленной охраной отправлена для опознания в Герат. К этому времени Сергей пришел в себя.

Он лежал на плащ-палатке в тенике корявой яблони. Окраина кишлака. Дымы пожарищ где-то в стороне, а здесь воздух чистый. Три БМП, несколько бойцов в боевом охранении, остальные находились на том же взгорке, что и Сергей. Лейтенант Соломин рядом. Тоже отдыхает, в кулаке тлеет сигарета.

– Ну как состояние? – участливо спросил Олег.

– Нормально... Как будто чарсу накурился, – вымученно улыбнулся Сергей.

Чувствовалось, что траванулся он здорово.

– Хотели тебя в «таблетку» запихать, в санчасть везти, – сказал Соломин. – Я не дал. Говорю, на свежем воздухе быстрее оклемаешься... Оклемался. Значит, жить будешь...

Самочувствие Сергея оставляло желать лучшего. Но это все ерунда. Главное, что лапы в бою не склеил. А ведь чувствовал, что смерть его где-то рядом бродит. Но нет, недотянулась до него костлявая, не посекала своей косой. Может, и в следующий раз пронесет. Глядишь, и к маме с папой вернется, а там и с девочкой Дашей познакомится...

– Я уже беспокоиться стал, – продолжал Олег. – Кишлак захватили, пленных развезли, батальон уже на марше, а ты все в отключке. Может, зря тебя в санчасть не отправил...

– Не зря... Так батальон что, уже ушел? А мы что здесь делаем? Неужели из-за меня остались?

– Да нет, ротного ждем. И цистерну с горючим охраняем, жаль бросать...

Оказывается, с борта «ГАЗ-66» сняли двухсотлитровую цистерну, чтобы освободить место для задержанных. Для охраны горючего командир разведроты оставил группу под командованием лейтенанта Соломина, а сам отправился в Гератский ХАД вместе с пленными. Скоро должен был вернуться с пустым грузовиком. Загрузят цистерну и всем скопом отправятся на базу, всего-то делов...

Но ротный задерживался, зато сумерки не запаздывали. Соломин забеспокоился. В сумерках «духи» особенно активны. И трудно сказать, есть в кишлаке боевые группы или нет. Час-два назад, может, и не было, а сейчас появились.

Когда-то в Афгане было полно подземных рек, но со временем они иссякли, а русла остались. И теперь под афганской землей существовала разветвленная сеть подземных ходов. «Духи» в этих лабиринтах чувствуют себя как дома. Спускаются через кяриз под землю в одном месте и спокойно выходят в заданный квадрат. И в этом кишлаке наверняка кяризы есть...

Опасения Сергея подтвердила автоматная очередь. Одна, вторая, третья... Одна очередь прошла рядом – под ногами взметнулся гейзер из песка. Жажнул гранатомет, и тут же огненный смерч сорвал башню подбитого БМП.

«Духи» были везде, стреляли отовсюду. И, хотя к нападению готовились, оно все же застало разведчиков врасплох. Но паники не было. Бойцы быстро и грамотно рассредоточились, открыли ответный огонь. Ожили боевые уцелевшие машины пехоты – автоматические пушки быстро навели порядок во вражеском стане. «Духи» отступили. Но десантники не спешили праздновать победу, слишком дорогой ценой она досталась. В этом бою погибли четыре разведчика. Девять человек тяжело ранены. И среди них оказался лейтенант Соломин. Пуля попала в спину в районе поясницы.

– Ничего, до свадьбы заживет, – сам себя подбадривал Олег.

Пулю Сергей вытащить не мог – не в его это силах. Наложил повязку, из шприц-тюбика сделал обезболивающий укол.

Сергей знал, что Соломин не женат, даже невесты нет. Но это дело наживное.

– Заживет, обязательно заживет... Мы еще на твоей свадьбе спляшем...

– Конечно, спляшем, – кивнул Олег.

Взгляд его затуманился, веки слипаются.

– Она у меня красивая будет, лучше всех...

Похоже, он уже видел свою будущую невесту. В тумане надвигающегося забвения. Лишь бы это не было предсмертным видением...

В зале ожидания было грязно и неудобно. Заплеванный гранитный пол, запыленные стекла высоких, под потолок, окон. Народ гудит, как пчелы в улье, суета, движение. И это в первом часу ночи. Буфет уже закрыт, телевизор не работает.

Матвей еще с вечера заморил червячка, в «ящик» пялиться желания нет. Поезд его будет только в девять утра, так что нет резону ловить голос из вокзального репродуктора. Есть возможность поспать, и он спит – вернее дремлет. Непокойно вокруг. Шпана какая-то у входа в зал толчется, менты туда-сюда шныряют – никак не получается полностью расслабиться да заснуть мертвым сном. А кресла фанерные, хоть и жесткие, но удобные...

Поезд будет только утром. Но Матвей не дрожит от нетерпения. Ему этот поезд неинтересен, потому как в пункте назначения его никто не ждет. Нет у него ни единой родной души на белом свете. Детдомовский он. Мать, сука, растить его не захотела, бросила в роддоме. Жива она или нет, Матвей это не колышет. Нет ему никакого дела ни до мамашки, ни до ее предков. Когда-то, в раннем детстве, хотелось найти ее, прижаться к ее теплomu вымени. А сейчас нет ничего, все перегорело. И если появится вдруг желание разыскать мамашу, то лишь для того, чтобы скрутить башку этой курице...

Поезд отправит его в город, где находился его детдом. Ти-

па к месту прописки. А ведь у него даже паспорта никогда не было. Как закрыли его в четырнадцать за убийство одного бича, так только сейчас выпустили. Одиннадцать лет по лагерям безвылазно. Четыре года на малолетке, семь лет на взросляке. Тюрьма – дом родной, зона – университет по жизни. Такие вот расклады...

Матвей поднялся со своего места, вытащил из-под ног небольшой фибровый чемоданчик. И отправился в сортир. Справил нужду, вышел. И тут перед ним словно из-под земли выросли два мента. Фуражки с красным околышем, куцые кителя с медными пуговицами. Матвей по привычке опустил глаза, чтобы не встречаться с ними взглядами. Ментов он люто ненавидел, но приходилось воспринимать их как стихийное бедствие. Взять тот же грозовой ливень – сколько ни маши зонтиком, а дождь не остановишь. Но ливень можно переждать. Так и с ментами. Не стоит вмачивать рога в «мусор», надо ждать, когда буря уляжется. Если она, конечно, начнется... Ну вот, началось!

– Ну-ка, гражданин, документики! – гнусаво потребовал мент, худой и длинный, как жердь. На погонах старшинские лычки.

Карикатура какая-то ходячая, мысленно отметил Матвей. Но, как ни нелеп этот мент, от него так просто не отвертишься. Пришлось доставать справку об освобождении.

– Та-ак, значит, ты у нас из бывалых! – язвительно изрек второй мент, среднего роста, но руки длинные, как у обезья-

ны, и башмаки не меньше, сорок пятого размера. Сержант.

– Мы тебя давно заметили, – ехидно сощурился старшина.

– С того момента, как ты портмоне у гражданина стащил, – восторженно добавил сержант.

– Какое портмоне?

Матвей медленно поднял на него глаза. Никаких эмоций во взгляде – ни злости, ни удивления. Полное спокойствие. Штиль над Ледовитым океаном. И арктический холод... Матвей умел так смотреть, что под его взглядом собеседника пробирал холод. Природный дар. Ему даже погоняло на «взросляке» дали – Холод.

Сержант невольно поежился, отвел взгляд. Но оборотов не сбавил. Понимает, что Матвею проблемы не нужны, поэтому быковать он не будет.

– Портмоне ты, парень, стащил. Лопатник на вашем жаргоне.

– Какой жаргон? Какой лопатник? О чем это вы?

Матвей не баклан какой-то, чтобы базлать с ментами по «фене». Он умеет общаться на языке «ботвы». Не на киче же он родился в конце концов. В школе до четырнадцати лет учился, шесть классов образования как-никак.

– А ну хорош придуриваться! – зычно рявкнул старшина и ожесточенно схватил его под локоть. – Пошли!

Сопrotивляться Матвей не стал, позволил отвести себя в опорный пункт. Там менты совсем раздухарились. Ошмона-

ли его – забрали деньги, билет на поезд, часы, зажигалку. И сунули в зарешеченный стакан типа «обезьянник».

В том же стакане на узкой истертой скамейке сидел неопрятного вида парень. Короткая стрижка, пепельно-серого цвета узкое, вытянутое книзу лицо, крылья носа одной ширины с переносицей. Смотрит исподлобья.

– Здорово, братан! – блеснул золотой фиксой «пассажир».

Матвей не ответил. Молча сел, медленно поднял глаза, смерил собеседника подозрительным взглядом.

– Э-э, ты чо, в натуре, за наседку меня принял? – не на шутку возмутился пацан.

Кто его знает, может, и наседка. Но это вряд ли. Слишком мелко плавают вокзальные менты, чтобы держать при себе штатного стукача. Хотя всяко бывает...

Матвей продолжал молчать. Зато сосед не унимался.

– Э-э, да я тебя припоминаю!.. Погоняло не помню, давно было... Постой, когда же... Да, лет пять назад, да... Или шесть... Или семь... Ты на мордовской малолетке был... Ты этапом на взросляк собирался уходить, а нас только пригнали... Ты, кажись, в первом отряде был. У вас Чубан тогда смотрел, он мой зема, да. Я к нему приходил, а ты мимо идешь, глянул на меня так, аж мурашки по спине... Взгляд у тебя запоминающийся. Так бы я тебя, может, и не узнал...

– Извини, брат, не припомню, – покачал головой Матвей. – А Чубан у нас был, это верно. Правильный пацан...

– Так правильный, не вопрос. Он шас под Воркутой гре-

ется. Положенцем поставили...

– Уже короновали, – выдавил улыбку Холод.

Они с Чубаном были одного возраста. Чубан на взросляк по этапу не ушел, до девятнадцати годков оставался на малолетке, оттуда и откинулся. Три года назад снова на кич загремел. И надо же маза какая – авторитетный вор положенцем его объявил, а не так давно Чубана еще и короновали.

А Холод одиннадцать лет за колючкой. Сначала малолетка, затем общий режим на взросляке, после – «строгач» и три года довеска к сроку за то, что красноповязочнику кровь пустил. Все одиннадцать лет он провел в отрицалове, братва его уважала, но за все годы он даже до положенца не поднялся... Ну да ладно, каждому свое. Вся жизнь еще впереди, глядишь, и ему подфартит. Главное, в авторитете себя держать...

– Во! А я даже не в курсах! – осклабился пацан. – Я последний год на поселении мотал, а там с почтой туго... Ну да ладно, теперь знаю... А ты сам тоже небось только что откинулся?

– Угадал.

– Ну давай пять! Я Рыбец!

– Холод.

Сокамерники обменялись рукопожатием.

– Надо бы еще за знакомство вмазать, да какой уж там, – хмыкнул Рыбец. – Мусора не в тему захомутали. Тебе тоже лопатник шьют?

– Лопатник, – кивнул Холод.

– Фуфло все это. Мусора на бабки нас разводят... Разведут и выпустят, помяни мое слово...

Рыбец оказался прав. Сначала из камеры вытащили его. Минут через пятнадцать настала очередь Матвея.

– Ну так что, гражданин Иткин, здесь будем сознаваться или оперативников вызывать?.. – вкрадчиво спросил старшина. – А может, миром разойдемся? Доказательств-то вроде бы нет...

– На нет и суда нет. Отпускай начальник, хреново здесь у вас...

– Ну что ж, вот ваша справка, вот часы, вот деньги...

Мент вернул все имущество по описи. Только вот денег явно не хватало. Забрали двести рублей, а вернули двадцать. И ничего не поделаешь. Начнешь права качать, в уголовке окажешься, а ушлые опера вмиг пришьют тебе какого-нибудь глухаря. Тюрьмы Матвей не боялся, но хотя бы с месячишко воздухом свободным подышать не мешало бы. А бабки... Бабки – дело наживное.

Рыбец подждал его на перроне у заколоченного пивного ларька.

– Ну чо, полегчало на кармане? – ухмыльнулся он.

– Считай на две «каты».

– Да тебе еще повезло, я на четыре попал... Полтинник только и остался... На билет хватит, а дома что-нибудь придумаем...

– Далеко ехать?

– В Новожильск. Там у меня сеструха. После матушки, царство ей небесное, дом остался. В одной половине Валька с мужем, другая половина моя... Только вот незадача, у Вальки муж на скотобойне работает. Крутой мужик. Быка кулаком укладывает. Я вот думаю, что они мою половину к рукам прибрали...

– Кулак против «пера» не канает, – усмехнулся Матвей. – Будет мужик залупаться, на нож его, какие проблемы?

– Да это без проблем... – замялся Рыбец. – Только менты быстро врубятся. А мне на третью ходку не очень охота...

– Кентов подпряги, если сам меньжуешься.

– Какие кенты? Одного кореша менты убили, второму еще три года срок мотать... А сам ты далеко едешь? – перевел стрелки Рыбец.

– В Новожильск, – неожиданно для себя решил Матвей.

– О! Так мы чо с тобой, земы? – обрадовался пацан.

– Да нет. Мне в Новожильск по делу нужно. Козлу одному рога подрезать...

– Кто такой? Может, знаю?

– Знаешь. Муж твоей сеструхи...

Рыбец Матвею понравился. Не самый крутой пацан из тех, кого он встречал когда-либо, но и не самый последний. Чувствовалась в нем воровская жила. К тому же он пока что без отчета для себя признает в Матвее старшего, а это важный момент.

У Матвея ни кола ни двора, а у Рыбца в Новожильской своя хата, так почему бы не определиться к нему на постой. Вдвоем-то веселей...

Рыбец против предложенного варианта возражать не стал. Матвей сдал билет и взял другой – до Новожильска. Весь день в пути, а ночью он вместе с новым корешем выгружался в пункте назначения.

Новожильск Матвею понравился. Впечатляющих размеров и современной постройки вокзал – все в тему. Привокзальная площадь с гранитным Лениным посредине, вокруг цветочные клумбы с розами – только постоять минут пять возле них, и уже никакой одеколон не понадобится. Но к розарию Матвей не пошел: на ментов не хотел нарываться. Вдруг они охраняют эти клумбы, как поля с опийным маком. Еще заметут ненароком...

Возле вокзала шикарный двухэтажный ресторан – все как в кино про заграничную жизнь, даже швейцар в униформе на входе стоит. Правда, что там внутри, не видать. Заходить Матвей не стал, не по карману ему кабак. А хочется оттянуться. Да так, чтобы звон колокольный стоял. Заходит он в кабак, метрдотель во фраке с бабочкой во всю глотку «Народ для разврата собран!»... Он же вообще никогда в кабаке не был – вагон-ресторан не в счет... Ладно, еще гульнет он в кабаке. Будет и на его улице праздник... А пока нужно было решить проблему с жильем.

Оказалось, что Рыбец жил не в самом городе, а в окрест-

ном поселке. Дорога неблизкая. Но Матвея это нисколько не напрягало: за такси платил Рыбец.

Город впечатлял. Широкие, ярко освещенные шоссе, высотные дома стройными рядами, площади, монументы, магазины с огромными стеклянными витринами.

– Неплохой, смотрю, городишко, – заметил Матвей.

– А ты думал... – торжествующе вскинулся Рыбец. – Еще немного, и до полумиллиона дотянем.

– Уже дотянули! – с гордостью сообщил водитель. – На прошлой неделе объявили – полумиллионный житель родился.

Матвей гневно стиснул зубы. Косяк это большой – лезть в чужие разговоры. За такие косяки конкретно спрашивают... Но таксиста трогать он не стал. У братвы свои понятия, у «ботвы» свои. Были бы на киче, он бы предъявил этому мужику, а сейчас он на свободе, и так неохота ее терять. За таксиста менты могут спросить...

Поселок Карповка примыкал к огромному химическому заводу и в основном был застроен блочными пятиэтажками. Но хватало и частных домов. В одном таком домике и обитала семья крутого скотобоя.

Рыбец был прав, здесь его не ждали. Он долго барабанил в дверь, прежде чем появился хозяин дома – здоровенный детина с толстой задницей и еще более широкими плечами. Щеки, как у бульдога, взгляд напряженный, брови сведены к переносице. И щурится, типа плохо видит.

– Миша, ты, что ли?

Голос у него, на удивление, тонкий, как у кастрата.

– Ну здорово, Семен! Что-то я, смотрю, ты не рад родственнику, а?

– Да рад... Только... Твою половину мы людям сдаем. Хорошие люди, на заводе работают.

– А я чо, плохой, да?..

– Да нет, не в том дело. Мы деньги за полгода вперед взяли, а это почти двести рублей.

– Да хоть две тысячи! Бабки людям вернешь, и на хрен их, понял?

– Не могу я так! – мотнул головой Семен.

Голову наклонил, корпус подал вперед, сейчас еще и копытом в землю бить начнет... Ну точно, бычара. Только что-то не заметил Матвей особой крутости в этом мяснике. И не должен был Рыбец его бояться. А он переживал, что хату ему не отдадут. Надо показать пацану, как с такими бакланами тупоголовыми разговаривать.

Матвей оттеснил кореша плечом, вплотную подошел к Семену, медленно поднял на него леденящий взгляд.

– Завтра. В полдень. Хата свободна. Вопросы? – отчеканил он.

– А ты кто такой? – нахохлился мужик.

Матвей ничего не сказал. Подался назад, как будто собирался уходить. Но вдруг стремительно шагнул вперед, резко, согнутыми фалангами пальцев правой руки ударил Семена

в область печени. Это был один из трех ударов, которыми он владел в совершенстве. Мощный удар, остро отточенный. Все произошло так быстро, что скотобой не успел напрячь мышцы брюшного пресса. И толстый-толстый слой подкожного жира ему не помог. Свирепая боль скрутила его в бараний рог и швырнула на землю. Он даже не мог орать – судорогами свело голосовые связки. Только хрипел.

– Завтра. В полдень, – повторил Матвей.

И повернулся к терпиле спиной. Твердой походкой важного и уверенного в себе человека пошел прочь от дома.

Рыбец задыхался от восторга.

– Круто ты его сделал!

Но столько же в нем было и сомнений.

– А если он в мусарню побежит?

– Не побежит.

– Почему?

– Потому что страх за яйца будет держать.

– Ну да, ты его конкретно закошмарил, не базар... Да надо было бы его настропалить, типа если ментам сдаст, хана ему.

Матвей не сказал ничего. Остановился, сверху вниз глянул на Рыбца, высокомерно усмехнулся.

Не надо ему ничего объяснять. Сам должен понимать, что чем больше слов, тем больше в них пустоты. Давить на врага угрозами – удел не уверенных в себе бакланов. Если же ты представляешь собой что-то, доказывай это на деле, а не на пустых базарах. Матвей не просто ударил Семена, он его мо-

рально опустил. Он своим действием предупредил, что шутить с ним крайне опасно для жизни. Мясник без всяких слов должен понять, что бежать в ментовку – дело для него гиблое. А начнешь вола вокруг него водить, порожняки гонять – мужик решит, что Матвей пустозвон и балабол, какое уж тут к нему серьезное отношение?..

Матвей мог ошибаться в своих суждениях. И все же он был уверен, что чутье не обманывает его и завтра все будет тип-топ. К тому же он не привык ломать голову над вопросами о сущности бытия. Поэтому сейчас он думал только о том, как и где провести остаток ночи.

И над этим вопросом голову ломать не пришлось. Лето, ночи теплые, а недалеко от дома парк с уцелевшими кое-где скамейками.

Ровно в полдень вместе с Рыбцом он был возле дома. Семена не было, зато появилась его жена Лиза.

– Мишка! – чуть ли не со слезами на глазах бросилась она брату на шею.

Но Матвея не проведешь. Слишком хорошо он знал людей, чтобы не уловить фальшь в поведении женщины. Показная у нее радость, наигранная. Зато поляну она накрыла хлебосольную. Утка с яблоками, жареная картошка с мясом, водочка. Но главное – ключи от второй половины дома. Оказывается, съехали уже квартиранты. А Лиза даже порядок навести успела.

Не хочет неприятностей баба, и правильно, кому ж они

нужны? Человек – такая сволочь, что его только на приятности тянет. И Матвея тянуло. На самую Лизу. Бабенке давно за тридцать, но выглядит гарно. Самая что ни на есть баба-ягодка, вся в соку. Затащить бы ее куда-нибудь в темный угол, загнать и... Но Матвей сумел оседлать похотливый порыв. Найдет он себе бабу, чтобы разгрузиться. А Лизку трогать не надо. Как-никак она сестра его кореша, к тому же ему жить с ней по соседству и фактически под одной крышей. Не надо гадить там, где живешь. И еще один момент. Матвей не баклан отмороженный, чтобы сейфы мохнатые ломать. Косяк – это для правильного пацана...

Оказалось, не зря Матвей подписался за Рыбца. Хата стояла того, чтобы вмачивать за нее рога. Все удобства, кухня с газовой плитой, три комнатки, даже телевизор есть – черно-белая «Березка». Хоть весь день валяйся на старой тахте да пялься в «ящик». Плевать на то, что по телику крутят всякую пургу – партийные пленумы, битва за урожай, негритянские пляски из серии «танцы народов мира». Главное, что вокруг тишина. Никто не пытается сорвать тебя со шконки, чтобы выдернуть на работу. И дежурный помощник начальника колонии не отправит тебя за непослушание в «трюм» крыс кормить. Тепло, светло, спокойно и сытно...

Но уже через пару часов Матвей готов был в петлю лезть от скуки. Не та у него натура, чтобы бока на диване греть, когда вокруг столько непаханых полей – до Новожильска рукой подать, а там столько терпил... Аж руки чешутся – так хочет-

ся поскорей добраться до их карманов. Бабла у них с Рыбцом кот наплакал – ментам спасибо. Но с деньгами они вопрос решат. И чем скорей это произойдет, тем лучше. Плоть требует баб, душа – веселья, а на халяву в кабаке не раскумаришься... Все будет у Матвея, все. Он найдет свою мазу...

Глава вторая

1

Сергей не мог знать, когда закончится война в Афганистане, зато четко знал одну простую солдатскую истину – дембель неизбежен, как крах империализма. Война «за речкой» продолжалась, но он уже дома. При полном параде. Шинель с аксельбантами, дембельские погоны со вставками, ворот нараспашку – тельняшка во всю красу. Жаль, что на дворе декабрь – снег, мороз. А то бы он шинель снял, чтобы народ видел, какой он герой – орден Красной Звезды, медаль «За отвагу». Человек с войны вернулся – живой, здоровый. И грудь в крестах, и голова не в кустах. Дождалась мама сына домой...

Он летел к своему дому как на крыльях. Вот его родной двор – площадка, где он в детстве играл в салки, бойлерная, в окна которой он стрелял из рогатки, беседка, где они собирались с пацанами. На площадке никого, в беседке пусто. Жаль, никто не видит его, некому крикнуть: «Сергея! Ты ли это?».

– Сергей?

Но нет, откуда-то со стороны доносится чей-то нежный голосок. Это не крик, нет, голос хоть и удивленный, но спо-

койный... И сам голос такой знакомый.

Сергей застыл, как вкопанный, медленно обернулся на голос. Так и есть, в дверях соседнего подъезда стоит она, Даша. В белой кроличьей шубке, в белой шапочке. Нежная, красивая, в голубых глазах обаяние Вселенной... Пятнадцать лет ей. Ну, может, уже шестнадцать. Но пигалицей ее не назовешь. Взрослая осанка, взрослый взгляд. Улыбка такая милая и чуточку наивная.

– Даша, тебя не узнать, – соврал он.

На самом деле Сергей узнал бы ее из миллиона даже после десяти, а может, и двадцати лет разлуки... А тут каких-то два года. Впрочем, и разлуки как таковой не было. Они с Дашей даже не знали. Она появилась в их дворе за месяц-два до того, как его забрали в армию. Только два года назад она была юной пигалицей, но уже тогда ее глаза завораживали. И личико красивое, глаз не оторвать. Сергею тогда не хватило духу подойти к ней, познакомиться...

– А ты откуда знаешь, как меня зовут? – удивленно спросила она.

Щечки ее порозовели. И пожалуй, мороз здесь ни при чем.

– А-а, знаю... – замялся он.

– И я знаю, как тебя зовут. Забавно, не правда ли? – мило улыбнулась Даша.

– А-а, да, забавно...

– Ты в отпуск или насовсем?

– Насовсем, – просиял Сергей. – Как в песне – через две, через две весны... Вот отслужил как надо и вернулся.

– Вот мама-то обрадуется.

– Мама-то обрадуется... А ты? – невольно вырвалось у него.

– Что я? – удивленно повела бровью Даша.

– Ничего... – смутился он.

Не думал он, что так оконфузится перед ней.

– Ладно, ничего... – кокетливо, с хитринкой улыбнулась она. – Хочешь, чтобы я тоже обрадовалась... А может, и обрадовалась...

Она хотела сказать что-то еще, но ее внимание привлекла синяя «Лада» шестой модели. Машина остановилась возле подъезда, и Даша устремила к ней. Спасибо, что не забыла помахать Сергею рукой на прощание.

– Пока!

Из машины вышел высокий парень с жестким кучерявым волосом, натуральная дубленка нараспашку. Как галантный джентльмен он распахнул перед Дашей дверцу, взял за руку – усадил в машину. Когда возвращался на свое место, глянул на Сергея с видом победителя. В глазах мелькнули искорки презрения.

«Шестерка» увозила Дашу, а Сергей смотрел ей вслед. Такое чувство, будто верблюд в лицо плюнул...

Мама действительно обрадовалась ему. Отец был на работе, но, как узнал о возвращении сына, сразу бросил все де-

ла и примчался домой. Мама накрыла стол. К вечеру подтянулись родственники и знакомые. Все поздравляли Сергея с возвращением, разглядывали его награды. Он и сам был взбудоражен, но радость встречи с родными омрачала проклятая «шестерка», которая забрала у него Дашу...

К десяти вечера стол опустел, оставались только родители и дядя Максим с тетей Шурой. Но и они засобирались домой. Сергей вызвался проводить их до троллейбусной остановки. Водки выпил он немало, но пьяным себя не чувствовал. На ногах держался крепко. Да, не мешало бы прогуляться по свежему морозному воздуху. Покурить, проветриться...

Он проводил гостей и уже возвращался обратно, когда увидел синюю «шестерку». Машина стояла в тупичке недалеко от дома. Неприметно стоит, в темноте. И уже то, что Сергей обратил на нее внимание, наводило на определенные мысли. Само сердце подсказывало, что это и есть та самая «шестерка», с тем самым кучерявым красавчиком...

Сергей не мог пройти мимо машины. Понимал, что не должен идти к «Ладе», но ноги сами несли его вперед.

Он уже подходил к машине, когда та качнулась на рессорах. Чуткий слух уловил приглушенный девичий вопль. «Шестерка» снова качнулась... Стекла в машине зеркальные, непроницаемые, плюс темнота. Но Сергей взялся за ручку дверцы. Дернул на себя – закрыто. Зато оказалась незапертой задняя дверца.

Сергей заглянул в салон, и душу захлестнула ярость. Он-

то думал, что Даша по своей воле... Но нет, кучерявый пытался взять ее силой. Откинул спинку переднего сиденья, где она находилась, навалился на нее, рукой лезет под юбку. Даша сопротивляется, но силы слишком неравные. И кричать она не может. Одной рукой подонок пытается стащить с нее колготки, а другой закрывает рот. На все руки мастер, гад...

Разумеется, Сергей не собирался наблюдать за дальнейшим развитием событий. Он в злобе хватил кучерявого кулаком по голове – оглушил, вытащил из машины. Взял его за грудки, оторвал от земли и ударил головой в нос...

Кучерявый с паскудным воем катался по снегу, закрывая ладонями нос. Он хоть и не лишился чувств, но все еще оставался в нокауте – и плохо соображал, что происходит.

Сергей помог Даше выбраться из машины.

– Спасибо тебе!

На него она глянула виновато, на своего кучерявого дружка – с ненавистью.

– Я даже не думала, что он такой. Хорошим прикидывался, стихи читал.

– И давно ты с ним?

– Да нет, на прошлой неделе познакомились. Думала, это любовь...

Даша осеклась, закусила губу. Решила, что сболтнула лишнее... Как будто знала, что Сергей ее любит... А может, и знала... Может, она телепатка, может, она улавливала его мысли из далекого Афганистана...

– От таких козлов любви не дождешься, – с презрением глянул на кучерявого Сергей.

– А мне его любовь и не нужна, – пренебрежительно усмехнулась Даша.

Кучерявый приходил в себя. Сел на задницу, с лютой ненавистью посмотрел на Сергея.

– Вешайся, чудила! Дерьмом на параше захлебнешься! – заорал он.

Сергей еле удержался, чтобы не пнуть его ногой. Но ведь он, считай, лежачий.

Он подал ему руку, помог встать. И только затем сбил с ног.

– Это тебе за чудилу!

– Ничего, ничего, ты еще кровью харкать будешь! – причитал кучерявый.

Он на карачках добрался до машины, забрался на водительское сиденье. Но Сергея и Дашу рядом уже не было – ушли от греха подальше.

Они находились возле подъезда и видели, как стартовала «шестерка». Юзом пошла, едва в столб фонарный не врезалась. На повороте занесло, но и здесь кучерявому повезло.

– Сергей, я домой пойду, ладно? – кутаясь в шубу, спросила Даша. – Холодно...

– Да, конечно.

– Ты только не обижайся, хорошо? Если хочешь, можно завтра встретиться. В кино сходить.

– Хочу.

– Ну тогда жди меня завтра здесь в пять часов.

– Утра?

– Ну ты и шутник. Вечера, конечно же.

Она потянулась к нему на носочках. Вроде бы для того, чтобы в щечку его чмокнуть. Но в последний момент передумала, подалась назад. С нежной улыбкой помахала ему рукой и скрылась в дверях подъезда.

Утром Сергей собирался отправиться в военкомат – становиться на воинский учет. Начистил и нагладил форму, надраил медаль. Немного покрутился перед зеркалом. Осталось только сапоги надеть, шинель и фуражку. В комнату вошла мама. Лицо белое, как полотно, в глазах – тревога.

– Сергей, это к тебе!

Она посторонилась и пропустила вперед двух мужчин – один в пальто нараспашку, другой – в теплой куртке на манер летной.

– Уголовный розыск! – представился один. – Капитан милиции Желобов...

Он с интересом разглядывал Сергея. Уважительно скользнул взглядом по ордену.

– А что случилось? – спросил Сергей.

– Случилось... Кто вчера Виктора Демина избил, а?

– Не знаю такого, – пожал плечами Сергей.

– Ну да, не знаешь... Человека избил, а имени не знаешь...

«Лада» у него синего цвета.

– И волосы курчавые?

– Ага, и лапа волосатая... – буркнул второй милиционер.

– Значит, знаете такого, – облегченно вздохнул Желобов.

– Не знаю и знать не хочу. А морду ему набил потому, что он мою девушку пытался изнасиловать...

– Пытался или изнасиловал?

– Пытался. Если бы изнасиловал, я бы его убил.

– И рука бы не дрогнула?

Сергей решил, что будет лучше, если этот вопрос останется без ответа.

– Если Демин пытался кого-то изнасиловать, то за это он перед законом должен отвечать, а не перед вами, товарищ старший сержант, – продолжал наседать на него Желобов. – Вы должны были доставить его в милицию, ваша девушка должна была написать заявление. А ничего этого сделано не было. Самосуд, рукоприкладство. Нос гражданину Демину сломали. А это уголовная статья, придется отвечать. Орден и медаль за что получили? В Афгане были?

– Был.

– Понятно... Здесь, уважаемый Сергей Андреевич, не Афганистан, мы живем в обществе развитого социализма, – усмехнулся капитан. – И вокруг вас не враги ходят, а советские граждане, чьи конституционные права охраняются законом. Так что придется вас задержать и доставить в отделение.

Сергей и опомниться не успел, как на его запястьях за-

щелкнулись наручники. Как какого-то преступника, его вывели из дома, запихнули в зарешеченный отсек милицейского «уазика». Привезли в отделение, закрыли в камере дежурной части. Сразу вспомнились слова кучерявого кретина. «Дерьмом на параше захлебнешься!..» А ведь все к этому шло. Значит, Демин знал, что говорил. Вон как все закрутилось...

В камере он просидел весь день. К вечеру в РОВД пожаловал какой-то важный чин. Сергей определил это по суете, которая поднялась в дежурке.

Через какое-то время Сергея выдернули из камеры и напрямую завели в кабинет начальника отделения. Там его ждал генерал. Среднего роста, кряжистый, основательного вида мужчина лет сорока пяти. На бровях грозовая туча, в глазах темный туман. Под его гнетущим взглядом Сергей чувствовал себя овцой на заклании.

– Ты Комиссаров? – не поднимаясь из-за стола, спросил генерал.

– Я.

– А моя фамилия Демин...

И все сразу встало на свои места. Значит, курчавый подонок был сыном или, по меньшей мере, племянником этой важной милицейской шишки. Что ж, от такого покровителя добра ждать не приходится. Сергей понял, что пропал. Посадят его за хулиганство, и никакие заслуги перед Отечеством не помогут...

– Мне доложили, что это ты Виктора избил. – Генерал говорил спокойно, но его тон предвещал бурю. – За что?

– Он девушку изнасиловать пытался.

– Кто, Виктор? Быть этого не может.

– Да. Тогда и я его не бил. Потому что быть этого не может, чтобы я кого-то ударил.

– Но ведь ударил.

– Да. Потому что он Дашу пытался изнасиловать.

– И Даша может подтвердить, что Виктор ее пытался изнасиловать... – то ли спросил, то ли предположил генерал.

Он озадаченно смотрел на Сергея.

– А ты, я так понял, в Афганистане воевал.

– Воевал, – кивнул Комиссаров. И язвительно добавил: – Вместо вашего Виктора.

– Ну, это ты зря, – покачал головой Демин. – У Виктора серьезное заболевание, он в армии служить не может. А если бы мог, поверь, он бы с достоинством выполнил свой долг.

Верилось с трудом. Серьезное заболевание, ха... Откосил Виктор от армии, наверняка не обошлось без участия влиятельного папаши. Что-то это «серьезное заболевание» не помешало Витюше забраться на беззащитную Дашу...

– Вашему сыну в армию надо, – криво усмехнулся Сергей. – Необязательно в Афган. А в армии бы ему быстро мозги прочистили.

– Да, это верно, каждый настоящий мужчина должен пройти армейскую школу, – легко согласился генерал. – Вот

ты прошел... Орден, медали... Где воевал?

– Герат. Это от Кабула недалеко.

– В боевых операциях участвовал, душманов бил... Что ж, это заслуживает уважения. А то, что ты уже здесь, на гражданке, руки распускаешь... Знаю я вас, афганцев, все угомониться не можете. Все правду ищите, за справедливость боретесь. Одного вот недавно посадили. Человека убил. Напился в ресторане, а там муж жену сгоряча ударил, ну этот полез уму-разуму его учить. Научил. Нет человека. Жена без мужа осталась, дети без отца... А если бы ты Виктора убил? Дури-то у тебя много.

– Я его не сильно бил.

– Не сильно... А нос сломал... Ну не то чтобы сломал. Девушку, говоришь, Виктор пытался изнасиловать. Да, дела... Я, когда лейтенантом был, тоже насильника с женщины снял. Переборщил слегка. Он потом две недели в реанимации. Да, молодой был, горячий. Но я-то был при исполнении...

Генерал в раздумье барабанил пальцами по столу. Грозовая туча с бровей сползла, взгляд прояснился.

– Ну так что же мне с тобой делать, сержант? – озадаченно спросил он. – Посадить, так это жизнь сломать. А ты, парень, смотрю, ничего. Воевал опять же... А если отпустить, снова набедокуришь. Дури у вас, у афганцев, много. Ты, если справедливости хочешь искать, давай к нам, в милицию, служить иди. Звание твое подтвердим, будешь старшим сержантом милиции. А летом, если сможешь, в нашу Омскую

школу милиции учиться поступишь. Четыре года – диплом юриста и лейтенантские погоны...

Сергей стоял и в изумлении смотрел на генерала. Тот его только что в тюрьму собирался упечь, а сейчас уже в милицию уговаривает идти служить. Чудеса в решетке.

А ведь в словах генерала есть резон. Школа милиции – это и высшее образование, и офицерские погоны. И русло появится, в которое можно будет направить обостренное чувство справедливости...

2

Видеомагнитофон «Сони». Казалось бы, ничего особенного. Но Ленка и Танька смотрят на него, как на восьмое чудо света. В общем-то для них это заморская диковинка, они даже не представляют, что по телевизору не только программы первого и второго каналов можно смотреть. У Зои Токаревой отец работал директором крупной торговой базы. Он и видик без проблем купил, и телевизор японский той же фирмы, кассет куча – Брюс Ли, ужасы... эротика...

Эротика хранится за семью печатями. Но Зоя давно обнаружила все родительские тайники, так что есть чем удивить подружек.

Она вставила кассету в чрево видеомагнитофона, и на экране телевизора всплыла роскошная белокурая дива. Опустилась в шезлонг возле бассейна, лежит, балдеет, как та

змея под музыку извивается, вот золотистый бюстгальтер с себя скинула... Это только начало. Скоро негр в плавках появится. А в плавках запретный плод. Самое интересное еще впереди, но бывшие одноклассницы уже сейчас рты разинули. Они-то, наверное, думают, что секс – это возня под одеялом. Как бы не так...

Но появление негра Зоя пропустила. Роскошная блондинка сняла с себя последний предмет дамского туалета, и тут неожиданно зазвонил телефон.

– Здравствуйте! Это квартира товарища Токарева? – спросил чей-то взволнованный мужской голос.

– Да. Это его дочь, – в предчувствии беды дрожащим голосом отозвалась Зоя.

– Очень приятно... Э-э, Василий Павлович не говорил, как вас зовут...

– Зоя. Меня зовут Зоя... Что с отцом?

– Пока ничего страшного... Я не знаю, говорил ли он вам про меня. Моя фамилия Соболев. Зовут Андрей Борисович. Мы с вашим отцом старые знакомые. Я адвокат... Видите ли, Зоя, ваш отец сейчас в милиции...

– Его что, арестовали?

– Пока нет. Но все к этому идет...

Зою затрясло от ужаса. Если отца арестуют, то все в ее жизни пойдет прахом. Квартиру роскошную, машину и дачу конфискуют, заберут все деньги и драгоценности. Даже видеомонитора с голым негром не останется. Прощай,

обеспеченная жизнь, прощай, институт, в который она собиралась поступать после школы. Но самое страшное, ее вышибут из круга «золотой молодежи», переведут в обычную школу, посадят за одну парту с Ленкой или Танькой.

– Но все не так страшно, как может показаться, – успокоил Зою Андрей Борисович. – Сейчас главное взять себя в руки. Зоя, боюсь, что сотрудники ОБХСС уже выехали по вашему адресу. А у вашего отца в доме деньги, ценности. Сами понимаете, у милиции появятся вопросы, каким путем они добыты...

Разумеется, все добыто незаконным путем. Отец покупал товар за одну цену, а продавал за другую. На Западе это бизнесом называется, а в Союзе – спекуляцией. Уголовно наказуемое деяние...

– Что... Что я должна делать? – в полуобморочном состоянии пробормотала Зоя.

– Собрать все деньги, все драгоценности в один чемодан и... У вас должны быть в городе родственники, на которых можно положиться.

– Да, бабушка, папина мама.

– Ну вот к ней и езжайте. Возьмите такси и езжайте. Только побыстрей, у вас мало времени.

Зоя бросила трубку и заметалась по комнате. Ленка и Танька, черт бы их побрал, пялятся в телевизор. О негре мечтают, шлюхи... Будет им негр.

– Лен, видик можешь забрать, завтра принесешь. Дома у

себя посмотрите, – решила Зоя.

Видеомагнитофон на трудовые доходы не приобретешь. Поэтому он тоже должен исчезнуть из дома. И девчонки заодно уберутся, сейчас не до них...

Зоя объяснила, как пользоваться видеиком, всучила его Ленке и вместе с Танькой выставила ее за дверь. Теперь можно браться за семейные закрома.

В одном тайнике отец хранил пакет с деньгами – сорок тысяч рублей. В другом – еще один такой же пакет, только денег на десять тысяч меньше. В третьем тайнике – большая шкатулка с драгоценностями... Зоя забрала все, сложила в чемодан, туда же бросила мамину соболью шубу, свою – норковую – надела на себя. Кое-как закрыла дверь, спустилась вниз по лестнице, а во дворе недалеко от подъезда стоит «Волга» с шашечками. Как будто нарочно ее ждет.

Зоя бросилась к машине, подбежала к ней, но нарвалась на кислую, окаймленную бородой физиономию водителя.

– Девушка, у меня обед.

– Ну а если мне срочно нужно?... Я вам по счетчику заплачу и столько же, – нашлась Зоя.

– Вот это другое дело! – оживился водитель.

Зоя села на заднее сиденье, руками обхватила драгоценный чемодан.

– Едем-то куда?

– На Жданова, дом восемьдесят пятый...

– Понял. Иду на взлет...

Но «взлететь» таксисту сразу не удалось. На выезде со двора руку поднял какой-то парень с короткой стрижкой. Без шапки, зато в солнцезащитных очках. Идиот.

– Зима, а он без шапки, – сочувственно покачал головой водитель. – Замерзнет же. Уши отвалятся. Надо подвезти.

Он остановил машину. Зоя думала, что парень займет переднее пассажирское место, а он полез к ней на заднее сиденье. Она попробовала возмутиться, но неожиданно к горлу приткнулся остро заточенный нож.

– Тихо, Машка! Я Дубровский! – Парень хищно сверкнул золотым зубом.

Водитель видел, что происходит. Но лишь криво усмехнулся, когда налетчик вырвал из рук Зои чемодан...

* * *

Матвей возлежал на подушках в приятном бессилии. Сучка Сонька вытянула из него все соки. Красивая телка и дело свое на «пять» с двумя плюсами знает. Не зря же она пользуется большим спросом у «деловых». И стоит она дорого – пятьсот рублей за ночь берет. Так еще попробуй сними ее на ночь. Матвей еле-еле уговорил на часок к нему домой захватить...

– У меня все, – снисходительно глянула на него Сонька.

Мазевая стерва. Высокая, стройная, белая и гладкая, как шелк, кожа, платиновые волосы. Одни глаза чего стоят. И

прикид у нее конкретный. Плащ из тонкой кожи, забугорные сапоги на высоком каблуке, фирмовая сумочка с золочеными застежками с плеча свисает.

Сонька сделала свое дело. И пока Матвей падал с кайфовых облаков на бrenную землю, успела одеться. Уже при полном параде телка. Смотрит на него с пренебрежительной насмешкой и клешню тянет – типа, мани гони. Матвей отстегнул ей за час, а ее сучий счетчик целых два отмотал. Доплаты курва требует.

Ладно бабки. Она ж на Матвея как на какого-то лоха смотрит. Был бы на его месте какой-нибудь шишкарь из горкома или хотя бы барыга-цеховик, она бы в рот ему смотрела, каждое бы слово на лету ловила. А так перед ней всего лишь работяга с золотых приисков. Ну наколотил мужик бабок за сезон, ну обслужила она его, и что с того? Как был он мужиком, так мужиком и останется...

– Ты чо, шнявая, слам с меня снять вздумала? – ухмыльнулся Матвей. – Ты чо, попутала?

И так глянул на Соньку, что у той глаза из орбит от напряжения полезли. И в голове страшные мысли закрутились. Оказывается, ее клиент мог работать на золотых приисках лишь по приговору суда. И татуировки он себе на плечи нанес не из мужицкого форсу, а по велению арестантской души. Вор перед ней, крутой и скорый на расправу вор. Об этом убедительно говорил его взгляд. И Сонька верила. Но еще есть у нее надежда выйти сухой из воды.

– Ну чо зенки выкатила? – ощерился Холод. – Ты в кайф торчала, ты мне и отстегивай...

– Э-э, так нельзя... Ты не думай, я не просто так... Я могу кому надо сказать...

– Ты чо, угрожать мне вздумала! – взъярился Матвей.

Он резко сорвался со своего места, подскочил к Соньке и одной рукой схватил за горло.

– Да я тебя ща, сосульку конченую, по стене размажу!

– Не надо... Не надо денег, – прохрипела шлюха.

Холод вмиг подобрел, отпустил жертву.

– Ну как это не надо! – хитро усмехнулся он. – Бабки всем нужны... Пятая часть от каждой доли твоя...

– Какая часть?! Какая доля?! – непонимающе уставилась на него Сонька.

– Объясняю. Ты с жирными сазанами спишь? Спишь. Знаешь, где они живут? Знаешь. Короче, ты нам наколочку дашь на пухлого карася, а мы его хату выставяем, ну и тебе пятую часть слама... Мы же не беспредельщики, у нас все чисто по понятиям. Я тебе популярно объяснил?

– Объяснил популярно. Только само предложение непопулярное. Я на такие дела не подписываюсь.

– А я разве тебя спрашивал, хочешь ты подписываться или нет? – грозно оскалился Матвей. – Я сказал тебе, что делать. Так что засунь свои понты в свой мохнатый сейф и давай колись. Чем карась жирней, тем лучше... Ну адресок давай, я жду...

Сонька молчала. Ничего она не поняла... А Матвей исчерпал весь лимит словесных убеждений. Он молча хлестнул проститутку по щеке. Еще раз, посильней. Третьим ударом он сбил ее с ног.

– Не надо! Не-ет! – взмолилась она. – Все скажу!

– Начинай, – презрительно усмехнулся Холод.

– Торопов его фамилия, зовут Николай Андреевич... Он... Он черную икру толкает... У него прямые поставки из Астрахани, сеть налажена... Я случайно узнала...

– Бабла много?

– Я не считала. Но не думаю, что мало. У него и квартира небольшая, скромная такая. Но меня к себе часто зовет, всегда благодарит...

– Кто еще?

– Фамилия Швейцберг, антиквар.

Сонька сдала всех своих клиентов. Матвей переписал адреса, телефоны. И в знак благодарности еще раз вспахал ее роскошные угодья...

– Бабки будешь получать с каждой делюги, – на прощание сказал он. – За каждый новый адресок будем отстегивать аванс... Смотри, если ментам стукнешь или кому из деловых сболтнешь, мы твою мамку заживо сожжем, а папу твоего петухом сделаем. Ты все поняла?

– Поняла, – в ужасе кивнула Сонька.

Белая, как мел, щеку дергает нервный тик, ноги подкашиваются. Страшно. Что ж, страх – великое дело.

Матвей прогнал проститутку, опустил в кресло, закурил. С недавних пор он курил только «Мальборо». Деньги потому что завелись.

Это была его идея – искать и дербанить торгашей, фарцовщиков и цеховиков. «Деловые» и сами не в ладах с ментами, так что если их трухануть, то в ментовку жаловаться они вряд ли пойдут. Тема не новая, братва давно на нее замазана – тропу эту еще знаменитый Монгол протоптал. Но не все так просто. Здесь нюх особый нужен и башка чтобы варила.

Первую свою жертву Матвей и Рыбец вычислили по примитивной схеме. Зацепились за крупный универмаг, узнали, кто в нем директор, проследили за его «Волгой» – пробрили адрес. Ну а дальше сложнее. Рыбец нашел спеца, который замастырил им красные корочки с золотым тиснением – типа ментовских. Галимые ксивы, липа так и лезет в глаза. Но все равно на пушку взять можно, если с умом к делу подойти. Да и в порядок себя приводить пришлось – прическу модельную делать, зубы отбеливать, дубленую кожу в травяных настоях отмачивать – чтобы цвет лица свежее был. Ну и манеры нужно было в соответствие с ментовскими замашками приводить. Не самое трудное дело. Уж кто-кто, а Матвей на ментов за свою жизнь посмотрелся, век бы их больше не видеть.

К директору универмага в дом ломиться не стали. В ксивы начнет всматриваться, выяснять, из какого они ведомства,

еще и прокурору позвонит. Теневых дельцов не зря деловыми называют – ушлые они, на понт их так просто не возьмешь. Пришлось ждать, когда терпила домой поедет. Дождались. Была у торгаша привычка обедать дома. Он дверь открывает, а Матвей с Рыбцом уже за спиной. «Здравствуйте, Илья Васильевич. Мы из ОБХСС...» Как снег на голову свалились. Мужик на задницу-то и сел. Теперь его можно брать голыми руками... Короче, развели мужика. Матвей мозги ему промывал, а Рыбец по закромам шарил – типа обыск. И не хилый навар снял – что-то около тридцати штук «деревом», ну и «рыжья» штук на десять намыли. Нахрапом барыгу взяли, но без крови.

Только вот показалось Матвею, что не все бабки Рыбец с хаты снял – не все схроны раскопал. Поэтому следующего терпилу они в машину сунули, за город отвезли, там костерок развели, кочергу до белого каления нагрели... Мужик влет раскололся. Только лавья у него почти не оказалось. Какких-то восемьсот рэ наличностью. И на сберкнижке пшик. Мужик крупным магазином заведовал, но, видать, левыми делами не увлекался. Или дятел по жизни, или просто чересчур честный. Рыбец решил, что он честный, поэтому и клеймо на заднице штампанул – кочергой букву «ч» вывел. Ох и орал терпила...

Зато следующая жертва сдалась практически без боя. К этому времени они с Рыбцом двух пацанов конкретных нашли, оба по уважаемым статьям срок мотали. А они третье-

го привели. Хруль кликуха. Фраер набушмаченный. Пацанчик зоны не нюхал, но законы воровского братства признавал куда больше, чем моральный кодекс строителя коммунизма. Да и с законом дружить не хотел. И родственничков своих не очень жаловал. У дядьки родного «Волгу» с шашечками умыкнул. А тут как раз Матвей телефон взятого в прицел барыги нашел – через городской справочник пробил. Номер домашнего телефона, такси под рукой, язык не из задницы растет... Матвей набрал номер телефона, трубку взяла какая-то девка – он решил, что это дочь «карася», и не прогадал. Загрузил он ее конкретно, поэтому баба повелась на разводку с ходу. Забрала из отцовской квартиры все ценности и повезла их к своей бабке. А во дворе такси стоит... Короче, шла Красная Шапочка к бабушке с пирожками, а по дороге на серого Волка нарвалась. Получила по башке и осталась без пирожков. Пусть скажет спасибо, что вообще ноги унесла. Могли бы вывезти на свалку, ножом по горлу и в хлам...

Семьдесят тысяч «рваных» с директора торговой базы сняли плюс кучу «рыжья». Четверть от всей доли Матвей скинул в городской «общак». Ему нужна была поддержка и одобрение местного воровского сообщества. Он очень хотел выбиться в авторитеты, поэтому обязан был соблюдать законы честных арестантов. Да и пацаны его не желали прослыть беспредельщиками. Еще четверть слама он оставил на бригадный «общак». Половину доли раскидал между пацанами.

«Рыжье» спрятал до лучших времен – тогда у него не было выходов на надежных людей, через которых можно было сбавить драгоценные побрякушки. Сейчас он уже навел коню. На днях связался с крутыми ребятами из грузинского клана, те взяли у него «рыжье» за треть реальной стоимости. Не самый худший, надо сказать, вариант, но, будь Матвей коронованным вором, «пиковые» бы дали ему как минимум полцены. Но пока что он только мечтает стать «законником». И чтобы мечта быстрее осуществилась, он должен работать на свой авторитет. Громкие дела и никаких косяков – все должны знать, что Матвей Холод живет строго по воровскому закону. Мало того что он сливал часть взятого слама в «общак», он еще брал бабки из своей доли – слал «грев» своим корешам на зону. Так должен был поступать каждый честный вор.

После директора торговой базы Матвей взял в оборот еще двух барыг. Работал по все той же схеме – вычислял директора магазина, шел за ним по пятам, затем вламывался на хату. Но в последних двух случаях снова прокол – с терпил нечего было снимать, так, мелочовка. Обоих барыг чуть ли не до смерти забили, но никакого результата: нечего им было отдавать.

Тогда Матвей решил действовать наверняка. Не надо гоняться за ветром в поле. Нужны конкретные наводки, а их могли дать мазевые проститутки, которые обычным «совкам» не по карману. Выбор пал на Соньку...

Теперь у Матвея было семь адресов, три из которых он обвел жирным карандашом. По хозяевам этих квартир Сонька дала кое-какую информацию. Антиквариат, черная икра, левое производство мебели. Чем занимались другие ее клиенты, она не знала. Но это не значило, что Матвей не наведется к ним. Он узнает, на чем господа-товарищи делают бабло, наведет к ним мосты и возьмет тепленькими...

Начать Матвей решил с черной икры. Взял с собой на дело Рыбца, Буйвола и Хруля. С недавних пор бригада обзавелась собственной машиной – «Лада» – «тройка». Машине уже восьмой год, а бегаёт как новая, потому что вариант экспортный, сейчас таких не делают. В семь штук тачка обошлась, оформили ее на несудимого Хруля. Пусть только попробует влево вместе с лайбой уйти, сразу нож под лопатку схлопочет...

Хруль и Буйвол остались в машине. Матвей и Рыбец зашли в подъезд, поднялись на четвертый этаж. Они мало чем выделялись из общей массы людей. Обычные, хотя и неплохо упакованные «совки». Причесанные, гладко выбритые, глаза ясные. Матвей в кожаном пиджаке поверх шелковой рубахи светлых тонов. Отглаженные черные брюки с поясом из дорогой кожи. Легкие и удобные «саламандры» черного цвета. Рыбец в фирменном джинсовом костюме, на голове такая же джинсовая кепка, на ногах кроссовки «Адидас». На губах располагающая улыбка. Миша умел прикидываться лакшью-фраером, да и Матвей тоже мог, когда нужно, прятать

свою волчью сущность.

Рыбец нажал на клавишу звонка.

– Да! – послышалось из-за двери.

– От Сергея Петровича! – елеиным голоском назвал пароль Миша.

Кодовая фраза подействовала, и дверь отворилась. Правда, хозяин квартиры не спешил снять ее с цепочки. В глазах мыслительный процесс – соображает мужик, кто такой Сергей Петрович.

– Сергей Петрович Ковалев, – уже другим тоном пояснил Рыбец. – Начальник ОБХСС. Мы от него!

Он сунул Торопову под нос закрытые корочки с золотым тиснением и тут же их спрятал. А Матвей наставил на терпилу ствол «макарова».

– А ну открывай дверь, расхититель проклятый! – прохрипел он.

Это была единственная имевшаяся в бригаде «вольна». Матвей и Рыбец в Омск за ним ездили. Неделю там гостили, мента подходящего искали. Нашли. Опер молодой со стволом домой возвращался. Возле подъезда его подкараулили. Обрезком трубы по голове, и все дела. Ксиву, правда, взять не удалось. Не прихватил мент корочки с собой, на службе, что ли, забыл. Зато ствол раздобыли и наручники. Железо в Омске ищут, а оно уже в Новожильской, на братву работает.

Торопов снял дверь с цепочки. Матвей протолкнул его в кухню, усадил на табуретку. Рыбец обследовал квартиру.

Никого. Тем лучше.

– Ты что, хозяин, икоркой гостей не угощаешь? – осклабился Холод.

– Так откуда ж икра? – испуганно вытаращился на него терпила. – Я ночным сторожем работаю, Дворец культуры охраняю, откуда ж там икра?

– Икра из Астрахани. Да ты, Торопов, не бойся, мы же по-хорошему с тобой проблему решить хотим. Мы хоть и милиция, но тоже икорку черную на хлеб мазать желаем.

– А-а... А сколько вам икры нужно? У меня родители в Астрахани, если нужно...

– Нужно. Двадцать тысяч в советской валюте нас вполне устроит.

– Двадцать тысяч?! Откуда ж такие деньги!

– Из Каспийского моря. Короче, с тебя двадцать штук, а за это мы закрываем глаза на твои проделки. Хоть тоннами икру вози да продавай, никто слова тебе не скажет.

Глазки Торопова забегали. Оно, конечно, хорошо иметь покровителей из ОБХСС. Но если это всего лишь провокация? Он дает ментам взятку, а они его под белы ручки. Нет у них доказательств его незаконной деятельности, вот и приходится идти на уловки...

– Нет у меня таких денег, – пролепетал он. – И про какую икру вы говорите, тоже не знаю...

– А это что? – Рыбец швырнул на стол покрытый изморозью целлофановый пакет с икрой килограмма на два.

Из холодильника улики достал. Чем возмутил терпилу до глубины души.

– А у вас и постановление на обыск есть? – пискнул он.

– Есть! – Матвей поднял кулак. И без размаха треснул им Торопова по лбу.

– Это чтобы ты не возникал, спекулянт паршивый! – прокомментировал он свои действия. И строго посмотрел на Мишу. – Товарищ лейтенант, вызывайте старшину!

Рыбец открыл окно, высунул из него руку с полотенцем, махнул им. Через пару минут в квартиру входил Буйвол. Рост метр восемьдесят, мощная борцовская шея, рука толщиной с ногу обычного человека. Низкий узкий лоб не навел на мысль о его высоких умственных способностях. Буйвол и в самом деле был туповат, но Матвею и не нужен был его ум. Этот «бык» использовался в качестве грубой физической силы.

Торопов как глянул на этого монстра, так зубами и застучал. Буйвол знал, что делать. Он спокойно подошел к газовой плите, зажег духовку, подождал, пока она прогреется. Затем схватил Торопова за шею. Тот и дернуться не успел, как его башка оказалась в духовке. Но Буйвол тут же вытащил голову из пекла, вернул терпилу на место. Он всего лишь показал, что ждет Торопова, если он будет упираться рогом. Да и взгляд Матвея не обещал ему легкой жизни.

– Хорошо, я дам вам двадцать тысяч! – взвизгнул он. – Но только с одним условием! Вы поможете мне разобраться

с одним кретином! Рубайло Валерий Михайлович...

– Что, проблемы? – с интересом посмотрел на жертву Матвей.

– Да, он занимается тем же, что и я. У нас конкуренция, он отбивает у меня клиентуру. Я... Я знаю, как взять его с поличным. Завтра или послезавтра он повезет икру в ресторан «Юбилейный». Там его можно взять.

– Так ты нам своего конкурента с потрохами сдаешь?

– Да. Если он сядет, у меня будет больше клиентов.

– Ну что ж, логично. Давай его адресок, чудила!

Торопов продиктовал адрес с чувством злорадного удовлетворения. Но в тайник за деньгами полез без особого желания. Отодвинул диван в комнате, разобрал паркет, вытащил оттуда пакет с деньгами, из него достал четыре «котлетки» по пять «кусков» в каждой. Остальное хотел спрятать обратно. Но Буйвол его опередил. Вырвал у него пакет из рук, передал Матвею. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить примерную сумму. Тысяч тридцать-сорок, никак не меньше...

– А-а, как можно! – заскулил терпила. – Мы же так не договаривались.

– А это в счет нашего долговременного сотрудничества! – ухмыльнулся Матвей и перебросил пакет с деньгами Рыбцу.

Дело сделано, «капуста» срублена, пора линять. Он спиной почувствовал раскаленный от ненависти взгляд Торопова. Но это его ничуть не разозлило. У порога он обернулся

к нему и в насмешку сказал:

– Если какие проблемы, звони в ОБХСС, всегда поможем!

Окрыленный успехом, он прямым ходом хотел отправиться к Рубайло, чтобы закрепить достигнутый успех на поприще борьбы с незаконным оборотом черной икры. Но передумал. Жизнь, она покруче игры в карты. В игре можно два раза подряд сорвать банк, а в жизни так бывает далеко не всегда. Если тебе сегодня подфартило, лучше остановиться, чтобы не искушать фортуна. Все равно Рубайло никуда от него не денется...

Только черная икра принесла Матвею пятьдесят пять тысяч рублей. И это при том, что инженер в Стране Советов получал чуть более ста рэ в месяц... Ну мужики, они на то и мужики, чтобы задарма горбатиться, а настоящий вор должен лавэ лопатой грести.

Половина суммы ушла в «общак», остальные Матвей раскидал на бригаду. Пятнадцать штук ему с Рыбцом напополам, десять – на пацанов. Позвонил Соньке, забил ей стрелочку в кабаке. Там и передал ей два с половиной «куска». Положил конверт на блюдечко, передал ей. Ничего такого в том не было. Она же проститутка, даже менты это знают. Он мог хоть пять штук заплатить ей за ночь, хоть десять, это его право. Только вот объясняться придется, где он взял такие деньги. А где? Шел да нашел. Ментов он опасался, но не боялся. И допросов не боялся, он же не лох какой-то, чтобы его на пушку можно было взять.

– Это твоя доля, – пояснил он. – Пятая часть, как договорились.

Две с половиной штуки – это всего лишь крохи с барского стола. Но Сонька не своя, не воровская, ей можно заправлять арапа без всякого опасения попасть под косяк.

Путана изящно подцепила пальчиками конверт, длинными коготками ковырнула начинку.

– Ну спасибо...

Конверт плавно переключался в ее сумочку.

Сонька взяла деньги. Теперь она полностью повязана в деле. И в ментовку ей хода нет. Матвей не боялся тюрьмы. Но на воле такая лафа, что неохота с ней расставаться.

– Ты сегодня занята? – приличия ради спросил он.

По его взгляду Сонька должна была понять, что сегодня она будет обслуживать его одного.

– Да был тут один вариант... – натянуто улыбнулась она. – Но если ты хочешь...

– Хочу, – кивнул Матвей.

Они слегка оттянулись в кабаке, затем отправились к нему домой в Карповку – он по-прежнему жил там в одной хате с Рыбцом. Ну и пацаны иногда навевались. Сейчас братва гуляла в поселковом кабачке, поэтому дома не было никого. Матвей вообще был против того, чтобы в доме цвела «малина». Шумные кутежи ни к чему хорошему не приводят. Сначала участковый заявится, затем и опера из местной уголовки. Если шуметь, то лишь в городе.

Лавья они с Рыбцом намыли немало. Можно было и ремонт в хате капитальный состряпать, и мебелью румынской обставиться. Но вбухать бабки в хату – это значило в какой-то мере привязать себя к ней. А настоящий вор должен оставаться свободным во всех отношениях. Ни дома, ни жены, про детей и говорить нечего. Дом – тюрьма, семья – братва, сберкнижка – воровская касса.

Матвей обосновался в небольшой комнатушке – местами полопавшиеся обои, старомодные комод и шкаф с потрескавшимся лаком, широкая деревенская кровать с железной сеткой, плетенка на затертом полу. Но его здесь устраивало все. Тепло, сухо, мягкая перина и вертухаи где-то далеко-далеко. А то, что Сонька нос морщит, так ему все равно. Он на ней жениться не собирается и в свой шалаш зовет лишь для того, чтобы справить нужду. Сунул-плюнул и разошлись, как в море корабли...

Глава третья

1

Даша смотрела на него вроде бы одобрительно, но без особого восторга. А ведь Сергей так старался. Мешковатый китель подогнал строго по своему размеру, отгладил его – ни единой складочки. И на брюках стрелки – острые, хоть масло режь. На погонах одна широкая лычка, на груди орденские колодки вместо комсомольского значка. Да, форма не военная, а милицейская, но что с того? Разве милиционеры не люди?..

– Да ты не думай, я же не всю жизнь в сержантах буду ходить, – словно в оправдание сказал Сергей. – До лета в патрульном экипаже буду кататься, а потом в Высшую школу милиции поступлю. Между прочим, диплом юриста, высшее образование. И погоны лейтенантские...

Уговорил его генерал Демин – поступил Сергей на службу в милицию, форму вот получил, завтра уже приступает к исполнению служебных обязанностей. За новичка его вряд ли держать будут, как-никак у него Красная Звезда, а в милицейской среде кавалеры боевых орденов на особом счету. И люди там хорошие служат, честные, порядочные. Взять того же Демина. Мог бы посадить Сергея, так нет, он еще и на

службу его взял.

– Ну, если погоны лейтенантские, тогда ничего, – улыбнулась Даша. – А то у меня один родственничек есть. Так он тоже в милиции служит. Ему уже за сорок, а он все еще сержант. Толстый, штаны и рубашка по швам трещат. Глазки жиром заплыли, нос красный. Ходит, пыхтит как паровоз. И еще луком и борщом от него всегда пахнет. Я как представила, что ты таким будешь, так страшно стало...

– Я в сорок лет полковником буду, – ничуть не сомневаясь в том, заверил ее Сергей.

– На черной «Волге» будешь ездить, – мечтательно улыбнулась Даша.

– Ну это само собой. Квартира у нас будет. Ты будешь печь мне пирожки и ждать со службы. Отставить пирожки! А то я точно стану таким же толстым, как твой родственничек...

– Не станешь. Я больно-то баловать тебя не буду.

– И не надо больно. Надо нежно баловать...

Сергей мягко обнял девушку за талию, привлек к себе, с замиранием сердца коснулся губами ушка. Внутри все вмиг закипело. Пришлось делать над собой усилие, чтобы унять опасный порыв. Даше всего шестнадцать, она еще школу не окончила. Рано ей женщиной становиться. Да она еще и не позволит ему залезть к ней под юбку. Дружба в рамках «женых-невеста» – пожалуйста, целоваться тоже не возбраняется, а постель только в первую брачную ночь. Да Сергей и не настаивал. Он все понимал...

В прихожей зазвонил телефон. Сергей взял трубку.

– Привет! – услышал он знакомый голос.

– Олег?! Ты?!

– Ну а кто ж еще!

– Где ты?!

– Дома уже. Вчера приехал.

– И только сейчас позвонил, эх ты!

– Как лучше, мне к тебе подъехать или ты ко мне?

– Я подъеду. Сейчас же возьму такси и приеду.

– Ну жду!

Сергей положил трубку.

– Кто звонил? – спросила Даша.

– Олег звонил. Мой командир. Воевали вместе. Я тебе рассказывал про него.

Олег получил пулю в область позвоночника, «трехсотым» грузом был отправлен в госпиталь. Врачи разводили руками – нижняя часть тела отнялась, жить парень будет, а ходить – никогда. Из Ташкента его отправили в московский госпиталь, там он перенес несколько операций. И надо же, отнявшиеся было ноги снова обрели подвижность. Полгода в госпиталях, затем санаторно-курортное лечение. И вот в мае, почти что через год после ранения, он возвратился домой. Разумеется, Сергей обязан был увидеться с ним.

– Да, повезло парню, на всю жизнь инвалидом мог остаться, – покачала головой Даша. – Ты же знаешь, я в медицинский поступать собираюсь. И знаю, что такое ранение в по-

звоночник.

– Значит, Олег в бронежилете на свет народился, – улыбнулся Сергей. – Я сейчас к нему еду.

– И я с тобой!

– Ты-то чего?

– А интересно на твоего командира посмотреть. Да и скучно без тебя... Время-то – половина пятого, а с тобой мне и до одиннадцати можно гулять.

Дашина мама всецело доверяла Сергею. Даже к нему в гости дочери ходить разрешала, хотя его мать и отец с утра до вечера находились на работе.

– Ну поехали... Только учти, мы с Олегом немного выпьем.

– И мне можно чуть-чуть. Если шампанского.

– Намек понял.

До троллейбусной остановки рукой подать, а там можно было взять такси – если повезет. По пути зашли в универмаг, купили шампанского и коньяка. Неудобно с пустыми руками в гости приходиться.

Олег жил в центре города, в большой квартире еще довоенной постройки. Отец его занимал какую-то высокую должность в горисполкоме, поэтому дом полная чаша. Свежий ремонт, новая дорогая мебель. Запах роскоши Сергей уловил еще с порога.

Олег похудел, осунулся, но держался бодро. Даже палочку в сторону отставил.

– А это у нас кто? – восхищенно посмотрел он на Дашу.

– Моя невеста!

– Ух, ты! Ну повезло же тебе, братишка! Настоящая красавица!

Сергей мельком глянул на Дашу. Она делала вид, будто ей совершенно не интересно, что про нее говорят. Но видно, что девчонка смущена.

– Ну проходите, проходите! Я сейчас один. Родители вот-вот будут, а сестра на музыке. Но они-то нам не помешают. Посидим, поговорим... А там и Оксана придет, они с твоей Дарьей примерно одного возраста, пообщаются...

– Смотри-ка, раскомандовался! – весело попенял Олегу Сергей.

Втроем они прошли на кухню. Олег быстро собрал на стол.

– Как жив-здоров? – спросил Сергей.

– Да как видишь, все в порядке... Думал, хана мне, ан нет, вытащили меня. Там в Москве такие врачи, чудеса творят.

– Я тоже врачом буду, – встряла в разговор Даша.

– Ух, ты! – с восторгом отозвался Олег. – Кстати, меня женщина лечила...

– Молодая, красивая? – с подначкой спросил Сергей.

– Да я бы не сказал. А что?

– Да так, вспомнил, что ты говорил, когда тебя зацепило. До свадьбы, сказал, все заживет.

– Ну как видишь, зажило раньше. Ничего, времени у меня

теперь полно. Найду невесту.

Олег замолчал, схватился за сигарету. Но вспомнил про Дашу и сломал ее в пепельнице.

– Ты чего это занервничал? – удивленно глянул на него Сергей.

– Да комиссуют меня, вот чего. К службе в Вооруженных силах не пригоден... Воевать пригоден был, а как пулю получил, так никому уже и не нужен.

– Радуйся, что вообще жив остался. Да и руки-ноги на месте.

– Да я понимаю, что могло быть и хуже. А все равно обидно. Я же военным мечтал быть...

– А ты есть и будешь военным. Ты герой-афганец, а это навсегда. А на гражданке тоже жизнь есть.

– Как и на Марсе... – усмехнулся Олег. – А вообще, чего это мы о грустном? Давайте выпьем за встречу. Хорошо же все. Ты, Серега, вернулся, я вернулся. Даша вот – луч света в темном царстве...

– Да я бы не сказала, что у вас здесь темное царство. А выпить можно. Только чуть-чуть.

Сергею показалось, что на Олега она смотрит с более чем допустимым интересом. В душе шевельнулся червячок ревности. Но он тут же заморил его здоровым оптимизмом. Олег – симпатичный парень, но таких много, а Сергей у Даши один. Она может смотреть на кого угодно, но нужен-то ей только он. Сергей снова глянул на Дашу. Нет, она уже не

смотрит на Олега. Сидит, куда-то в окно глядит, скучно ей. Не нравится ей Олег. Это ревность-злодейка галлюцинации напускает.

Сначала появились родители Олега. Сергея они приняли как родного. И к Даше отнеслись тепло. Затем из музыкального училища вернулась Оксана. Она вообще забрала Дашу в свою комнату. О чем они там болтали, Сергея совершенно не интересовало.

Олег вышел проводить их до остановки.

– Как насчет того, чтобы в ресторан сходить? Ну через недельку, через две, – спросил он у Сергея. – С родителями неинтересно, с тобой бы, братишка, посидеть...

– И со мной тоже! – заявила Даша. – Я Сергея одного не отпущу!

– Ну как же без тебя! В рестораны ходят не только светлые, но и темные личности. Бандиты там всякие... Кто ж нас с Олегом защитит, как не ты!

– Ну почему же, – улыбнулся Олег. – Даша в самом деле может нас защитить. От представительниц прекрасного пола. Если вдруг какая дама захочет с кем-нибудь из нас познакомиться, она тут же повернет назад, как только увидит Дашу.

– Это еще почему? – кокетливо повела она взглядом.

– Потому что рядом с тобой и ловить нечего. Ты же самая красивая.

– Не могу же я быть одна на двоих! И откуда ж та дама

узнает, с кем я, с тобой или с кем?

– Узнает, – недовольно буркнул Сергей и привлек Дашу к себе.

Ему не нравился этот разговор. Ему не нравилось то, как Олег смотрит на его невесту.

– Ты будешь с Сергеем, – решил Соломин. – А я возьму Оксану.

Да, уж лучше что-то, чем ничего. Раз нет у Олега невесты, пусть возьмет с собой сестру. Пусть ухаживает за ней, а не за Дашей.

А может, ну его к черту, этот ресторан? Или лучше отправиться туда вместе с Олегом, но без Даши. Нужно думать, нужно решать.

2

Экспроприация экспроприаторов шла полным ходом. Матвей пожинал такие плоды, что Ленин с Дзержинским позавидовали бы.

Самый большой куш он сорвал с мебельного цеховика. В магазины его фабрика гнала обычную дешевку из ДСП, а на теневой рынок задвигала отличные гарнитуры из цельного дерева. «Деловой» греб деньги лопатой, а хранил их, судя по всему, в кубышке.

Взяли его на даче. Особо не мудрствовали. Сунули паяльник в дупло. Правда, так нагрелась, что пеной полезла из

«хлеборезки»... Деньги мужик хранил в банках. В стеклянных. Хруль с Чириком умаялись огород лопатами вспахать. Урожай впечатлял. Без малого двести «кусков» да плюс трехлитровая банка «рыжья».

А где-то через неделю после этой делюги к Матвею наведалься какой-то фраер благованный. Вместе с Рыбцом они торчали на завалинке возле своей хаты, смолили косяк. И тут на тебе, какое-то мурло нарисовалось. Кепка на глазах, руки в клетчатых брюках. К губам приклеена презрительная ухмылка.

– Ты, что ли, Холод? – нагло спросил фанфарон.

Матвей не ответил. Он молча обрабатывал гостя тяжелым, пронизывающим взглядом. Пацана проняло – ухмылка сползла с его тонких змеиных губ.

– Ты чо, черт чудной попутал? – наехал на него Рыбец. – Те чо надо?

– Холод мне нужен.

– А ты ваще кто такой?

– Я Водяной.

– Да мне до фени, водяной ты или газированный. Кто тебя подослал?

Матвей и сам догадывался, что чудила этот нарисовался не по своей воле.

Пацан посмотрел на него и кивнул головой в сторону парка.

– Там тебя Воронец ждет.

Про Воронца Матвей слышал. Вор в законе, но не из самых уважаемых. Поговаривали, что корону он получил за деньги. Так это или нет, но короновали его «пиковые», а они не всегда соблюдали законы «от» и «до».

Воронец считался вором из «новых», из тех, кто признавал постанову знаменитого кисловодского сходняка семьдесят девятого года. Тогда воры и «деловые» поделили страну на зоны влияния. У каждого воровского клана свои подопечные дельцы, с которых они снимали десять-двадцать процентов слама. Но дело в том, что эта постанова не вписывалась в рамки «нэпмановского» воровского закона. Поэтому правильные воры старой формации клали на кисловодский сходняк с прибором. Оттого-то и сталкивались лбами «старые» воры с «новыми». Разборка за разборкой по всей стране, и до крови дело доходило...

– Что ему нужно? – забеспокоился Матвей.

Встреча с Воронцом не сулила ничего хорошего.

– А он тебе все скажет.

– Он один?

– Один. С глазу на глаз хочет с тобой перетереть.

– Я счас...

Матвей зашел в дом, переоделся, «подковался» и уверенной походкой двинулся в парк на «стрелку».

Воронец сидел на скамейке и с важным видом кормил голубей. Рядом с ним никого. И в самом парке ни души. Только ветер шумит в молодой листве деревьев и кустарников.

Но, стоило Матвею подойти к вору, как, откуда ни возьмись, появились два бойца – крупные парни с каменными лицами и чугунными кулаками.

– А мне говорили, что ты один будешь, – осклабился Матвей.

Воронец пропустил его слова мимо ушей. И это еще больше разозлило Матвея. Вроде бы расклад «раз на раз» шел, а вор вдруг «торпедами» себя окружил. Подляна это. А честный вор подляны не кидает. А если кидает, то он не совсем вор.

Воронец поднялся, в сопровождении своих «гладиаторов» подошел к нему, вперил в него пронзительный взгляд. Но насквозь просветить его не смог: Матвей просто-напросто заморозил этот взгляд и разрушил его как ледяную сосульку.

Вор не выдержал – отвел глаза в сторону. Он еще и говорить не начал, а его позиции уже подорваны. Но это не значит, что он проиграл. У него еще есть шансы.

– Лебедев на больничке, – издалека начал Воронец.

Голос густой, с хрипотцой, стальные нотки в нем. Но Матвей этим не проймешь.

– А тебе-то какое дело до какого-то дешевого фраера? – презрительно усмехнулся он.

Не мог охладить его пыл и высокий воровской сан собеседника.

Лебедев был тем самым цеховиком-мебельщиком, с кото-

рого Матвей сорвал свой самый крупный в жизни куш.

– А то, что я помогаю Лебедю решать его проблемы, – зло зыркнул глазами вор.

– Ну так решай. Ему счас после паяльника дупло нужно вазелином мазать...

Это была более чем дерзость с его стороны. Но Матвей-то уже понял суть проблемы. Воронец хотел спросить с него за подшефного «делового». Уступать Матвей не собирался, поэтому и грубил. Он не боялся ни Воронца, ни его «гладиаторов». Был у него козырь в рукаве.

– Смотри, как бы тебя самого вазелином не смазали! – запузырился вор.

– Не в тему базар! – грозно оскалился Матвей.

Воронец растерян. Ладно, если бы ему нагрубил коронованный вор, а Холод ведь даже не положенец. Он-то думал, что влегкую поставит Матвея на понятия. А нет, нарвался на грубость. И сам сорвался. Угрожать стал... А ведь в таком тоне только бакланы угрожают, уважающие себя воры ответку на крови дают. Но не решается Воронец бросить на Матвея своих «торпед». Если его загасят, то кто ж двести штук вернет. Да Матвей еще и не даст себя загасить. Он давно на стреме.

– Это ты не в тему на Лебеда наехал, – вскипел Воронец. – Он мой человек, мне отстегивает. Ты сначала должен был узнать, кто за ним стоит, а потом наезжать.

– Ты за ним стоишь? Ну и стой, твое право. А я блатной

и могу снимать слам с любого фраера. Давай к Босому поведем, он тебе скажет, что я был прав.

Босой был вором старой закалки. И, в отличие от того же Воронца, имел безупречную репутацию честного бродяги.

– А меня Босой не парит. Я сам вор. И сам решаю, кто прав, а кто нет. И тебе говорю, что ты не прав. И ты должен вернуть мне двести штук плюс пятьдесят косарей отступного.

– Тебя Босой не парит. А меня твоя постанова не парит. Ничего ты не получишь. Это мое слово! – жестко отрезал Матвей.

– Ты вообще кто такой, чтобы права качать? Ты откуда взялся? – скривился вор. – Не вор, не жулик, а понтов на большой сход. Короче, два дня тебе сроку. Сбиваешь слам в кучу, выходишь на меня, и проблема решена.

Воронец морозил какую-то чушь. Матвей сказал ему свое слово. И тот не должен больше сотрясать воздух. Он должен действовать, а не порожняки гонять. Место безлюдное, трава высокая. Ножом по горлу, и весь базар. Был Матвей Холод, и нет его. Менты ничего не знают, зато братва в курсах, что Воронец своего врага завалил. Может, он и не прав был, но победителей не судят. Воронец решает проблему и прибавляет в авторитете. Все очень просто. Но ничего не происходит. Матвей жив-здоров, а вор все икру мечет.

– Ты пойми, нам здесь в городе беспредел не нужен...

Уже и тон у Воронца увещательный. Тьфу!..

– Да пошел ты на...! – не выдержал Матвей.

Напросился, что называется. Такого оскорбления Воронец простить не мог. Вот уже и отмашку дает.

Первым на Матвея набросился боец, что стоял от него справа. Протянул к нему руку, чтобы схватить за шкирку, но напоролся на финку. Матвей готовился отразить нападение и только ждал момента, чтобы пустить в ход «перо». Нож послушно выскочил из рукава и прыгнул в ладонь. Стальной клинок остро заточен, рука не дрогнула.

Гладиатор схватился за разрезанный кадык и, захлебываясь кровью, стал клониться к земле. А Матвей уже переключился на второго бойца. Дотянуться он до него не может, но ведь пику можно использовать в качестве метательного оружия. А руку Матвей набил еще в зоне.

Нож вонзился бойцу точно в сердце. Глухой удар, приглушенный, утробный вскрик, шум падающего тела...

В живых остался только Воронец. Он в панике, а рука заученно на рефлекс лезет в карман за ножом. Но Матвей уже разогнался, а вор все еще на месте. Удар кулаком в челюсть, и Воронец кубарем летит в кусты. Подбородок у него чугунный, поэтому он быстро приходит в себя и уже с ножом в пятерне бросается на Матвея. Но у того уже ствол в руке. Палец на спусковом крючке. Вор в ужасе тормозит, пятится задом.

– Ты что делаешь? – пробормотал он.

– Ничего... На тебе корона, и в этом твой фарт, Воронец. Гасить я тебя не буду. Живи. Но помни, еще раз дернешься

в мою сторону, я тебя кончу.

Матвей оставил вора наедине с трупами, сам же вернулся домой. На завалинке – Рыбец, Буйвол, Хруль и Чирик. Ждут его. И Водяной тут же. Стоит в сторонке, чего-то ждет. Неужто думает, что Матвей в ножки ему поклонится.

– Ну чо? – напряженно спросил Рыбец.

– Все путем, – победно оскалился Холод. И свирепо глянул на Водяного: – А эта сявка какого хрена здесь?

Рыбец понял все правильно. Толкнул Буйвола. Тот в два прыжка нагнал Водяного, приложил его головой о бетонный столб и сбросил в придорожный кювет.

«Стрелка» с воров осталась за Матвеем. Его теперь братва будет больше уважать, чем Воронца. Но, помимо того, за ним остались еще и два трупа. Вряд ли мокрым делом будут заниматься мусора. Но за них захочет спросить Воронеж. И за себя поквитаться. Так что спокойной жизни Матвею не видать.

– Надо нам из города сдернуть, – решил он. – Бабла мы знатно набили. Надо бы передых устроить. В Омск поедем. Город большой, шумный, кабаки, путаны, все дела...

– В натуре, реально оттянемся! – обрадовался Рыбец. – А потом и корни в Омске пустить можно. Там же тоже «караси» водятся...

– «Карасей» мы дербанем, не вопрос. Но корни наши здесь. Сюда мы и вернемся.

Матвей собирался лишь переждать момент, а не спасать-

ся от Воронца бегством. Через пару-тройку месяцев он вернется в Новожильск. Чтобы братва потом не говорила, что Матвей Холод шкуру свою спасал, потому и на лыжи встал. Нет, он обязательно вернется в этот город. Назло Воронцу. Назло барыгам, которых он кроет.

В Омск он забрал всех своих пацанов. На дальней окраине города в тихом местечке сняли небольшой частный домик с банькой. Хозяйке сказали, что приехали на шабашку – лето же на носу. Старая дура и поверила. И участковый в эту лабуду может поверить, если братва не будет устраивать шумных оргий. А этого быть не должно, потому что Матвей постанову не изменил – гудеть только в кабаке, там же и с телками разлагаться. Бабу можно привезти и в дом, в баньке с ней попариться, но чтобы тихо, без шума. Эти нехитрые правила проверены временем. Почти что год прожил Матвей в Карповке, и местные менты ни разу не удосужились заглянуть к нему на огонек. Впрочем, это не спасло его от Воронца. Но вор-то конкретно знал, кого искал...

Первые два дня братва отдыхала с дороги. Втихую резались в карты, потягивали водочку и двигались морфием. А когда совсем стало скучно, Матвей с Рыбцом отправились в центральной кабак...

3

Раньше барышни мечтали попасть на светский бал, сейчас

они с тем же рвением стремятся в ресторан. И если уж выпал шанс, то наряд они постараются подобрать такой, чтобы не ударить в грязь лицом.

К грядущему мероприятию Даша отнеслась со всей ответственностью. И пока Сергей думал, идти с ней в ресторан или нет, она сшила вечернее платье по кройкам из «Бурды». То ли в ателье работали классные мастера, то ли у Даши была стандартная фигура, как у манекенщицы, но платье сидело на ней великолепно. И очень соблазнительно. Открывало плечи, спину, еще и разрез сбоку. Сергей понял, что нанесет ей смертельную обиду, если откажет ей в удовольствии провести вечер в ресторане. Можно было бы сходить туда вдвоем, но Даша воспротивилась. Оказывается, Оксана тоже собиралась идти в ресторан, и Даше очень хотелось перешеголять ее...

И она добилась своего. Модная прическа, косметика, на шее бусы из крупного речного жемчуга. И все это на фоне природной красоты. Оксана была девушкой более чем просто симпатичной, такая же стройная, красивое вечернее платье отлично смотрелось на ней. Но все же это было не то. Не было того волшебного магнетизма, каким обладала Даша, который притягивал к ней мужские взгляды.

Даша сразу же оказалась в центре всеобщего внимания. И сначала Сергей даже ощутил неловкость.

Олег был без палочки. Не хромал, шел с высоко поднятой головой, но ни капли зазнайства в его взгляде. Вроде бы

налицо манеры породистого царского офицера, но, по своей сути, он свой в доску советский парень. Но Сергей косился на него с плохо скрытым недовольством. Ему не нравилось, что Даша оказывает Олегу знаки внимания – то мило ему улыбнется, то одернет Сергея, если он его вдруг перебьет.

Олег сделал заказ с таким видом, будто всю свою жизнь ужинал в ресторанах.

Разнообразием ассортимента ресторан похвастаться не мог. Совковый стандарт – котлета по-киевски, шницель по-министерски, лангет, ромштекс... Рыба, икра, овощные салаты, «Оливье»... Шампанское, коньяк, водка... И все. А больше и не нужно. Ведь в ресторане погоду делают не деликатесы, а сама обстановка – ощущение праздника, иллюзия свободы. Народ приходит сюда на людей посмотреть и себя показать, культурно выпить под хорошую закуску, потанцевать, кто-то ищет волнующих знакомств, не без этого... Только, увы, не всегда и не все ведут себя культурно. Кабаки привлекают к себе не столько сознательных граждан, сколько всякую уголовную шушеру. Потому и случаются здесь шумные гулянки, драки, поножовщина. Но пока что Сергей ничего подозрительного не наблюдал. И это успокаивало. Ведь его принадлежность к правоохранительным органам не позволит ему в случае заварушки оставаться в стороне. А так хотелось, чтобы вечер прошел спокойно.

Девушки пили шампанское, мужчины – коньяк. Сергей плотно закусывал, поэтому нисколько не пьянел. Зато Даша

после третьего бокала слегка окосела. Щечки зарумянились, глаза заблестели. На Сергея почти не смотрит, зато Олег в центре внимания.

На эстраде играл вокально-инструментальный ансамбль. Репертуар Юрия Антонова, «Земляне», «Машина времени», «Динамик»... Люди потянулись на площадку перед эстрадой. Когда зазвучала медленная мелодия, из-за стола поднялась Оксана. Улыбнулась Сергею и пригласила его на танец. Он хотел было отказаться, но Даша сама подтолкнула его. Иди, мол, не обижай девушку. Он пошел. И Даша тоже пошла. Вместе с Олегом. Сама пригласила его на танец.

У Сергея внутри все похолодело, и это при том, что Оксана плотно прижалась к нему.

– Ты что, расстроился? – удивленно спросила Оксана. – Должна же Даша с кем-то потанцевать.

– Должна. Со мной.

– А мне с кем, с Олегом? Он же мой брат. Да не волнуйся ты, Даша с тобой хочет, а с Олегом она так, чтобы ты ревновал. Она мне сама об этом говорила. А я хочу, чтобы она тебя ко мне ревновала, – уже тише, но жарче прошептала Оксана.

Но на страстную волну Сергея настроить не могла. Оксана его не волновала, ему только Даша нужна.

А она словно чужой стала. После танца на Олега больше не глядит, но и Сергея не замечает. Сидит, куда-то в одну точку смотрит.

Снова зазвучала медленная мелодия. Сергей пригласил Дашу на танец. Она пожала плечами, неохотно подала ему руку.

– Что происходит? – с досадой спросил он.

– Ничего...

– Ты что, в Олега влюбилась?

– О! Какие страсти!.. – закатила она глазки. – Нужен он мне больно...

– А я тебе нужен?

– Ну ты же мой жених... – не без сарказма сказала она.

Сергей понимал, что теряет Дашу, но сдаваться не соби-
рался.

– Олег – мой друг. Мы с ним Афган прошли. Ты что, по-
ссорить нас хочешь?

– Да я как-то и не думала... Знаешь, он мне то же самое
сказал. А ведь я ему нравлюсь, – просияла она. – Я знаю.

Обратно к столику Сергей шел на негнущихся ногах. Вер-
нул Дашу на место, сел рядом с ней. В голове пульсирова-
ла жуткая по своей несуразности мысль: «Даша влюбилась
в Олега!»

Но следующий танец успокоил Сергея. Даша пригласила
его на белый танец и заверила, что симпатизировала Олегу
только для того, чтобы подразнить своего кавалера. Только
почему-то на следующий танец она снова пригласила Соло-
мина.

Олег не отказал ей, вместе с ней пошел в круг. Вернулся

красный как рак. Прячет от Сергея глаза, боится посмотреть на Дашу. Видно, что неловко парню. И хочется быть с ней, и колется.

Обстановка разрядилась самым неожиданным образом. К ним за столик подсел какой-то грузин с орлиным носом и ястребиным взглядом. Неестественно грозный вид, презрительная усмешка на тонких губах.

Он пренебрежительно глянул на Сергея, перевел взгляд на Олега. Насмешливо повел бровью.

– Я глажу, рамсы здесь у вас! Дэвушку падэлить не можете... Давайте я вам памагу! Дэвушка мнэ, а вы гуляй!

Сергей видел, сколько радости появилось в глазах у Олега. Джигит этот возник очень кстати. Сейчас Олег даст ему по голове, завяжется драка, которая освежит их с Сергеем дружеские отношения.

Но неожиданно появилось еще одно действующее лицо. Вернее, морда. Узкое вытянутое книзу рыло, широкая переносица, сдвинутый набок нос. Одет по фирме – весь в джинсе, кроссовки. Но Сергею показалось, что ему больше подошла бы тюремная роба с кирзовыми «прохорями». Сказать, что парень был под мухой, значит, ничего не сказать. Он был сильно пьян.

– Ты чо, мазый! Ты чо на людей наезжаешь! – с ходу набросился он на грузина.

Схватил его за грудки, сорвал со стула и сбил с ног. И тут же из-за соседнего столика выскочили другие джигиты. Но

дорогу им преградил еще один уголовного вида тип. Среднего роста, худощавый, в резких порывистых движениях – сила и уверенность.

Он метнул злобный взгляд на своего подвыпившего дружка. Развернулся к восставшим джигитам лицом, распахнул пошире полы кожаного пиджака. Мужик этот был повернут к Сергею спиной, поэтому он не мог видеть, что за штуку тот показал грузинам. Но те испуганно попятились назад. Загломонили:

– Э-э, братан, все путем!

– Все нормальна!

– Извины, да!

Обескураженные грузины вернулись за столик. Мужик в кожаном пиджаке схватил своего дружка за куртку, но тот вырвался и снова оказался за столиком. Вперил в Дашу похотливый взгляд, сально ухмыльнулся.

– Это из-за тебя черные наезжали, а, киса?

Окинул мутным взглядом Сергея и Олега.

– А вы чо, чуваки, в штаны навалили? Баба вам не нужна, да?.. Зато мне нужна!

На его плечо опустилась тяжелая длань. Это за его спиной встал парень в кожаном пиджаке.

– Рыбец, что тут за дела? – недобро усмехнулся он.

– Это тут фраера телками знойными швыряются, да... Гля, Холод, одна мне, другая тебе. Смотри, какие клевые? Гадом буду, если их уже пахали! Целинниками, бляха, будем!

– Братан, а это вариант! – криво усмехнулся мужик.

Ему было лет двадцать семь – двадцать восемь. Неправильные черты лица, близко посаженные глаза, выдвинутый вперед раздвоенный подбородок. Ледяной змеино-гипнотический взгляд пробирал до костей. Сергею стало не по себе. Невольно вспыхнула предательская мысль – опасно связываться с этим типом. Но он тут же взял себя в руки. Нет, не боится он этого монстра...

Сергей поднялся, смело заглянул ему в глаза. Такое чувство, будто стоишь на ледяном ветру. Но язык не примерз к небу:

– Старший сержант милиции Комиссаров! – дрогнувшим голосом, но достаточно грозно представился он. – Прошу покинуть помещение!

Он ожидал, что на этом инцидент будет исчерпан. Возмутители спокойствия уберутся прочь, и все вернется на круги своя... Ожидал, что все обойдется. Но не желал мирного исхода. Эти уроды оскорбили Дашу и Оксану. И как минимум должны получить за это по морде.

– Так ты мусор! – в лицо ему рассмеялся тип, которого его дружок называл Холодом. – Так это твоя телка! – ткнул он пальцем в Дашу. – Всю жизнь мечтал вспахать мусорскую шалаву!

– На двоих поделим, брат! – склабился его дружок по кличке Рыбец.

Уголовник потянулся к Даше, но вмешался Олег. Он рез-

ко схватил его за вытянутую руку, стремительно развернул к себе лицом и коротко ударил его раскрытой ладонью в лоб. Рыбец даже назад не подался. Лишь слегка пошатнулся и сполз себе же под ноги.

– Ах ты, сука! – заорал Холод.

И подло, сзади ударил Олега в область правой почки. Удар был хоть и с оттяжкой, но быстрый. И мощный. Олег попытался поставить блок, но кулак противника все же врезался в спину.

Олег закусил губу, пытаясь сдержать стон. Взгляд его заволокло болью. А подлец ударил его еще раз, в то же место собранными в «замок» руками. На пол Олег падал без сознания.

Противник занес было над ним ногу, но ударить не успел. Сергей в прыжке ударил его кулаком под ухо. Тут же провел подсечку. Но скрутить его не успел. На него надвигался Рыбец. Быстро же оклемался гад... Сергей быстро вскочил на ноги, развернулся лицом к опасности. Захват, бросок, добивающий удар. И снова нет возможности связать хулигана. На Сергея надвигался его дружок.

Уголовник уже держал в руке пистолет «ПМ». Но левая рука еще только на затворной раме – оттягивает ее назад. У Сергея в запасе есть еще секунда-две.

– Замочу, мусор! – в ярости захрипел Холод.

И можно было не сомневаться, что ему хватит дури привести свою угрозу в исполнение. Но Сергей не позволит ему

этого сделать.

Боевые рефлексы отбросили его в сторону. Сейчас он был бойцом спецназа, а перед ним стоял вооруженный «дух», которого нужно было уничтожить. Никаких условностей, никаких тормозов. Все в соответствии с реальной боевой обстановкой.

Левая рука намертво впиалась в запястье врага. Резкий удар костяшками пальцев по внешней стороне кисти, сжимающей оружие. Кисть разжимается, пистолет летит через весь зал, падает кому-то на столик. Противник обезоружен, но еще не совсем обезврежен. Сергей выкручивает руку назад, заставляя врага коснуться головой пола. Удар по выпрямленной ноге – по голени. Холод с воем падает корпусом вперед. Добивающий удар в шею. Враг в отключке. Но он все еще жив. А он должен быть уничтожен.

В себя Сергей пришел в тот момент, когда его руки кольцом сомкнулись на голове противника. Еще один рывок, и шейные позвонки пойдут вразнос под натиском крутящего момента. Нет, так нельзя!

Он сумел осадить себя, оставил в покое бесчувственное тело. Поднялся на ноги и увидел людей в милицейской форме...

Уголовников заковали в наручники, бросили в дежурную машину и отвезли в отделение. Пистолет, разумеется, забрали, чтобы приобщить к делу. Сергею же было не до того. Он очень переживал за Олега, который так и не пришел в себя

после удара.

Соломина отвезли в больницу. Сергей отправился было за ним, но дальше приемного покоя его не пустили. Пришлось возвращаться домой. С надеждой на благополучный исход...

Через неделю Сергею объявили благодарность за задержание особо опасных преступников. Выяснилось, что пистолет, из которого его пытались застрелить, принадлежал лейтенанту милиции из Ленинского РОВД. Зимой этого года неизвестные преступники нанесли ему тяжелую черепно-мозговую травму и похитили оружие. Предположительно, преступление совершили задержанные Сергеем рецидивисты Матвей Иткин и Михаил Рыбаков. Истину должен был установить суд, но еще до того старший сержант Комиссаров был поощрен начальником ГУВД – в торжественной обстановке ему были вручены именные часы.

Но радость была омрачена горькой новостью. Его друг Олег Соломин получил травму позвоночника. Ничего страшного бы не произошло, если б это была первая травма. Одно легло на другое, и как итог – у Олега отнялась нижняя часть тела. Его отправили в Москву. Оставалось только надеяться, что и на этот раз врачи совершат чудо...

Глава четвертая

1

В камеру Матвей заехал как к себе домой.

– Мир вашему дому, братва! – уверенно поздоровался он.

Хата большая, квадратов тридцать, не меньше. Шконари в три яруса вдоль стен. Но людей не так много. Беглым взглядом Матвей прошелся по пустующим койкам.

Основное его внимание было приковано к группе людей. Они сидели за столом и с интересом разглядывали очередного «пассажира». До его появления они резались в карты, но вертухай вспугнул их, поэтому они спрятали стирь. Дверь за Матвеем закрылась, но карты так и не появились. Сначала нужно было разобраться с новичком, а затем уже можно будет продолжить игру.

Первым к нему обратился смотрящий – крепкого сложения низкорослый мужичок лет сорока. Мощный, будто бронированный лоб, нос – равнобедренный треугольник, щеки гладко выбриты, в коричневых от чифиря зубах дымится папираса.

– Ну и каким ветром тебя к нам занесло? – миролюбиво спросил он.

Нюхом опытного арестанта он определил в Матвее род-

ственную душу.

– Да на бабу одну запал, – ухмыльнулся Холод.

– Неужто мохнатый сейф? – насторожился смотрящий.

Мохнорылых насильников братва не жаловала, и уж Матвей это знал хорошо. Сам как-то лично лохмача опускал...

– Да запахло мне такие сейфы вскрывать, – ухмыльнулся Матвей. – Но этой бы вскрыл. Потому как мусорская баба. Я бы ее прямо на глазах у этого мусора сделал.

– Ну если мусорская баба... А чего ж не сделал?

– Да на ментов нарвался. Я одного из шпалера шмальнуть думал, а волюну заклинило. Ну менты надроченные меня и повязали...

– Да, брат, ты попал.

– Да не вопрос, косяк за мной. Мента валить надо было, а я облажался.

– Теперь за мента тебе вкрутят и за ствол.

– Да пусть вкручивают. Мне за год на воле – во! – с бравадным видом Матвей провел пальцем по горло. – Тюрьма – дом родной, дача – Колыма.

– Да ты чего стоишь-то, брат? Присядь! – Смотрящий показал ему на свободное место за столом.

Матвей бросил скатанный матрас с вещами на свободную шконку и занял указанное место. Он чувствовал себя своим среди своих.

– А звать-то тебя как? – продолжал смотрящий.

– Зовут Матвей. А по крещению – Холод.

– Холод, Холод... Что-то знакомо... Ты, случаем, не из Новожильска?

– Да был как-то. Проездом, – хмыкнул Матвей.

– Все мы на воле проездом... – понимающе кивнул смотрящий. – Слышал я про такого Холода, который с карасей жирок скачивал. Уж не ты ли это?

Матвей хотел ответить, но в это время из-за стола вскочил браток с обритой головой и багровым шрамом через все лицо. Он сорвал со шконки какого-то мужика, опрокинул его на пол и с ходу стал бить ногами.

– Ах ты, гад! Сука! Наседка! Ты чо уши растопырил, козел?

Он бил мужика до тех пор, пока его не одернул смотрящий.

– Лютый, хорош!

Парень оставил жертву в покое и вернулся на место. Перевел дух.

– А чо, братва, смотрю, этот козел уши развесил! – уже спокойно объяснил он. – Сегодня слушает, а завтра куму все сольет... Знать бы стопудово, что наседка, я бы его, падлу, на куски порвал.

– А так не знаешь, наседка или нет, – внимательно посмотрел на него Матвей.

– Знаю, что есть где-то сексот, нутром чую. Так что ты, брат, не расслабляйся и базар не распускай.

Лютый был прав. То, что менты не могут вытащить из аре-

станта на допросе, они могут добыть через стукача. На зоне кум по этой теме четко работает. И на крытом опера не спят.

Его самого целых пять дней держали в КПЗ при районном отделении. Сначала наводили справки, допрашивали влегкую. А когда узнали, кто он такой да что за ствол у него был, началась настоящая прессовальня. Противогаз на голову надевали, мешочками с песком до потери пульса лупили. Но Матвей ни в чем не сознался. Ствол он нашел. Вот так шел, шел да нашел. Пробовали его на понт брать. Типа, Рыбец во всем сознался. Но Мишка-то не угод безмозглый, он хорошо понимает, что будет, если их привяжут к менту, которому они череп проломили. К тому же они успели обо всем договориться – когда их в одном «луноходе» в «абвер» везли. Ствол Матвей нашел в сортире кабака, собирался отнести в мусарню, да не успел – повязали. И в Новожильске они ничего не делали. Просто после зоны прохлаждались. Да, нарушали правила надзора, да, тунеядствовали. Но за это же не расстреливают...

Ну хулиганку в кабаке менты им жестко пришили, от этого никуда не деться. А до их гастролей в Новожильске не докопались – чисто все там: терпилы в ментовку не обращались. Так что не все страшно. Главное, твердо на своем стоять – ствол в сортире нашел. Лишь бы Рыбец не раскололся. Но ведь пока что не раскололся...

– Мне бы коня корешу своему пустить, – обратился к смотрящему Матвей.

На крытом должна работать воровская почта – нитяные дороги от камеры к камере, перестук через стену, прикормленные вертухаи. Матвей должен как можно скорей связаться с Рыбцом. Он уже здесь, в изоляторе, должен быть.

– Это без проблем, – кивнул вор. – Наведем кони...

– Я организую, – пообещал Лютый и приятельски подмигнул Матвею. – Ты маляву черкни, а я коня пущу...

– Ну благодарствуй, брат! – пристально посмотрел на него Матвей.

– Да ладно, чего там. Свои – сочтемся... Костыль, – обратился Лютый к смотрящему. – Пацану место бы потеплей надо. Организовать?

Смотрящий согласно кивнул.

Лютый подобрал для Матвея неплохое место на втором ярусе по соседству со своей же персоной. Для этого ему пришлось согнать мужика. Тот даже не пикнул. Покорно собрал пожитки и перекочевал на свободное место.

К вечеру Матвей нацарапал маляву. Передал привет, заверил, что все будет в цвет, и просил отозваться.

Но первым отозвался Хруль. На следующий день после заезда Матвей получил грев – дачку килограммов на пятнадцать. Сигареты, чай, тушенка, сгущенка, балык, баночка красной икры, конфеты. Письмо от Хруля. Типа, держись, братан, у нас все путем, нос не вешаем, нашли тебе адвоката.

И это было еще не все. Вечером того же дня вертухай тайком передал Матвею упаковку таблеток этиминала натрия.

«Фурункул», если по фене. Это Хруль его так зарядил. Надо же, красноперого прикормил. Далекo пойдeт пацан...

Дачку Матвей по-братски разделил между своими. С удовольствием «залез под колеса», угостил и других.

Есть такой неафишируемый закон на крытке – у кого грев больший, тот и авторитетней. Но авторитет его должен строиться не только на этом. С воли, аж из Новожильска, пришла малява от старого вора Босого. Он писал, что Матвей человек правильный и уважаемый. Еще бы, он же исправно отстегивал в «общак», косяков за ним не водилось. А то, что Воронца на «стрелке» опустил, так это лишь добавило ему авторитета. Как вора Воронца немногие признавали. Зато многие хотели бы с ним поквитаться...

Через два дня Хруль снова прислал дачку. Все те же пятнадцать килограммов. И дурь через вертухая тоже передал. Упаковку таблеток реланиума. Матвей был доволен. Правильного пацана воспитал. Да и то, что бабла в бригадном «общаке» навалом – тоже в масть.

– Не кисло тебя с воли греют, – заметил Лютый.

– Кенты на воле остались, вот и греют.

– Так и грев жирный.

– А что посеяли, то и жнем...

– Не хило, видать, сеяли.

Обычно он не подмазывался к нему с разговорами. Да и сам много не болтал – вроде как наседок опасался. Поговаривали, что в самом деле у здешнего кума каждая хата с ушами.

Но сегодня Лютый хорошо раскумарился. Язык развязался.

– Я слышал, ты в Новожильске барыг конкретно строил? – как бы невзначай спросил он.

– Да люди там хорошие живут. Подходишь к человеку и говоришь, что делиться надо. Делятся. Тут главное – человека найти, у которого есть чем поделиться.

– Прикалываешь? – ухмыльнулся Лютый. – Знаю я таких правильных. Пока нож к горлу не приставишь, хрен с тобой поделятся... Ну да у тебя же ствол был... Ты что, в натуре, мусорка глушанул из-за «плетки»?

– Хороший ты парень, Лютый, – усмехнулся Матвей. – Я тебе как самому себе верю... Вот тебе как на духу признаюсь. Не трогал я мусорка, а «плетку» на толчке нашел. Отлить зашел, смотрю, лежит. Знаю, что с пола ничего нельзя поднимать, но тут ствол. Не удержался, взял. Только ты, братан, никому не говори.

Лютый косо глянул на Матвея, надулся. Обидно ему, что его за дурака держат. Но нет, Матвей-то как раз за дурака его не держал.

* * *

Вертухай нервно оглянулся назад.

– Да не ссы ты, Вася, никто за тобой не гонится, – презрительно хмыкнул Хруль.

Сам он ничего в этой жизни не боялся. Натура у него такая дурацкая. Люди любят баньку с парилкой погорячей. А он любит такую жизнь, чтобы жарко было, чтобы плавилось все вокруг. Видно, в крови ему чего-то не хватало, если его так сильно на рискованные дела тянуло. Чем опасней, тем больше кайфа.

Его после профтехучилища в армию призвали, так он в Афган хотел – жарко там, смерть с косой в полный рост ходит. Но ничего не вышло. Судимостей у него не было, зато куча приводов в милицию, пару раз по пятнадцать суток мотал. То морду с пацанами кому-нибудь набьют, то нахают какой-нибудь козе. В общем, весело было. И это веселье до стройбата его довело. Там сначала его лупили, затем он сам на молодых отрывался – каким-то чудом от дисбата увернулся. А после армейки с Чириком скентовался. Тот его конкретно наблатыкал – воровской закон, понятия, все такое. Со временем он и сам стал вором – к воровской бригаде примкнул. Холод – старший, Рыбец – справа, Буйвол и Чирик – бойцы, а Хруль на подхвате.

Но теперь у него появился шанс взять под себя всю бригаду. Дело-то хлебное – башли из барыг выбивать. И навар пенный, и риску хоть залейся. То, что людей в бригаде кот наплакал, – так это чешуя. Главное, что имя Холода было на слуху. И если Хруль станет его преемником, то резко прибавит в авторитете. Но самое главное, бригадный «общак» битком набит бабками. Триста сорок тысяч! Двадцать «Волг»

купить можно.

Пока что в бригаде за старшего Чирик. Но с него толку, как шерсти со свиньи. Не мычит пацан, не телится. Это Хруль сразу сообразил, что Холод и Рыбец нуждаются в помощи. Подъехал к отделению, при котором их держали. Парень он веселый, компанейский, уголовным душком от него не отдает. К тому же бабки на кармане. Выследил одного сержантика из патрульно-постовой службы. Салага еще – служба только в урочное время, а в свободное – гуляй да девки на уме. Хруль целую операцию по вербовке провернул. Можно было и попроще дело оформить, но ему приколоться хотелось. Снял на пару с Чириком двух телок поблизости от дома, где жил сержант, гульнули с ними в кабаке, употребили по пьяной лавочке. А на следующий день он сам на «тройке» подтянулся к нужному дому, затаился – ждет. Смотрит, сержант идет, он за ним, на машине. Так, мол, и так, как такой-то дом на улице Пролетарской найти? И весело так добавил – типа, он один на двух девчонок. Дескать, дружок подвел, жена его на блядки не пустила, вот самому приходится выкручиваться. Короче, сержант помог ему выкрутиться. Загрузили они телок в машину, заехали в кабак при загородном кемпинге. Все тихо, мирно, но за все платил Хруль. Сержантику такой расклад понравился – и сытно, и телка нехилая под боком. И за номера в кемпинге Хруль заплатил. Сержант уволок свою телку, махнул ее. Все ништяк. Короче, мент остался доволен. А наутро Хруль ему счет вы-

ставил. Так, мол, и так, на воровские бабки ты, друг, гулял. Сержант испугался – со службы попрут. Хруль его успокоил. Нормально все будет, никто ничего не узнает. Но это, если мент ему поможет... Да и немного от него требовалось. Пробить ситуацию по Холоду и Рыбцу. Правда, пока сержант сопли жевал, их обоих в следственный изолятор успели переправить.

Но, как бы то ни было, сержант важные вещи узнал. Ни Холод, ни Рыбец не раскололись. Их к паленому стволу хотят пристегнуть и к покушению на ментовскую жизнь. По новожильским гастролям вроде бы никаких предьяв. И подельников их никто не ищет... Короче говоря, Хруль понял, что братьям солидный срок светит, если не расстрельная статья. Но также он понял, что срок можно существенно сбавить, если нанять толкового адвоката. Сержант даже подсказал, как такого найти. Он же показал ему и человека, который служил в СИЗО. Через него Хруль подбил мосты и к Холоду, и к Рыбцу, заслал им грев. С адвокатом вопрос тоже решился. Эммануил Батькович не стал водить вола – сразу сказал, что нужно. Бабки ему нужны, и чем больше, тем лучше. Чем жирней он подмажет судей, тем легче будет приговор. Вообще отмазать пацанов от зоны не удастся. Но срока снизить можно. Только стоять это будет дорого... Денег Хруль не пожалел. И адвокат уже в деле.

И вертухай вот на «стрелку» явился. Меньжуется мужик. А Хрулю все по барабану. Весело ему. Ну что поделать, если

нравится ему такая жизнь, когда все вокруг бурлит и пенится.

– Остынь, Вася, все путем, – подмигнул он менту. – Никто тебя за сраку не возьмет...

– Да у нас проверка, шерстят всех... – захныкал вертухай.

Сам виноват, что наживку заглотил. Хруль ему целый «косарь» на лапу положил. И еще столько же обещал. Ну и по две «каты» за каждую ходку. Хруль его наркотой заряжал, приветами от братвы. Обратное получал постановочные малявы на тему как жить дальше... Сначала Холод к Чирику обращался, а затем напрямую к нему, к Лешке Хрулеву. Крепко уважает его Холод. Еще бы. Другой на его месте мог бы «общак» приханырить да слинять куда-нибудь в теплые края. Триста сорок общаковых «косарей» плюс пятьдесят своих – с таким баблом всю жизнь можно прожить припеваючи. Но Хруль подляну не бросил, хотя мог бы. Он верен воровскому братству. И прежде всего он верен себе. Он знал, как делаются большие деньги, он сам хотел их ковать. А для этого ему нужны были авторитет и крепкая бригада. Все будет. Главное – не зевать и всегда держать хвост пистолетом.

– Забей на проверки, на все забей, – насмешливо посоветовал он вертухаю. – Так легче жить будет. Короче, что в клюве принес?

Мент с опаской зыркнул по сторонам, торопливо вытащил из кармана колпачок от дешевой авторучки. Взамен Хруль передал ему восемь ампул промедола и двести рублей за до-

ставку.

– Мы там еще и дачку заслали, ты уж проследи, чтобы она до адресата побыстрее дошла, – попросил он.

Вертухай кивнул и отправился своей дорогой. Хруль вернулся в машину. Там его ждали кенты.

– Ну чо там? – заерзал на сиденье Чирик.

Он только что вмазался, его перло.

– Да все путем, зарядил попкаря.

– Ничего, не дергается?

– А куда он, на хрен, с подводной лодки денется? – ухмыльнулся Хруль.

Достал из кармана колпачок от авторучки, вытащил оттуда свернутую в трубочку записку. Пробежал по ней взглядом.

– Чо там? – легонько толкнул его в плечо Чирик.

Он все еще пытался строить из себя центрового, но даже Буйвол уже не воспринимал его всерьез. Зато на Хруля поглядывал с уважением. Сам-то он тупой как бревно и против течения плавать не умел. Ему нужен был буксир, а с Чириком далеко не уплывешь – масла в башке маловато. А вот Хруль мог повести его за собой, и Буйвол это понимал. Тупой-тупой, а где надо, соображает.

– Чо там, чо там! – передразнил Чирика Хруль. – Чувака одного пробить нужно.

Дело не самое простое, но Хруль знал, что справится с ним. И тот сержант ему поможет.

Лютого выдернули на допрос. Но в кабинете для допросов его ждал «кум». Как же он ненавидел эти встречи...

Игорь Бобрыкин по кличке Лютый имел за плечами две ходки. Первый раз заехал на кич по билету ценой рубль сорок четыре – статья сто сорок четвертая, кража. К мужику одному в квартиру влезли, магнитофон бобинный стащили. Мелочовка, казалось бы, а на три года общего режима потянула. Второй раз попал за грабеж. Еще четыре года, но уже строгого режима. Откинулся, корешей старых встретил. Гульнули хорошо, домой на автопилоте шел. Смотрит, тетка упакованная идет – золотые сережки с брюликами в ушах, на пальцах перстни, на запястье браслет. Короче, не выдержала душа поэта. Догнал он биксу, прислонил к дереву в темном уголке. Ладно бы «рыжье» снял, так он еще под юбку к ней полез. Баба сначала вырывалась, царапалась, а затем сама в раж вошла. Стонет, подмахивает... А тут патруль – мент и два красноповязочника. Тетка сразу шум подняла. Ограбили ее, изнасиловали...

Повязали Лютого, в уголковку сдали. Опера ему грабежшить стали. Статья сто сорок пятая не самая страшная – до четырех лет лишения свободы. Но это уже повторный случай, значит, планка наказания до двух пятилеток, считай, подскочила. А на зону идти не хотелось. Но если б только зо-

на. Менты ему еще и мохнатый сейф пришить решили. Сказали, что лично позаботятся о том, чтобы его на крытке опетушили. Вот тут-то душа поэта дрогнула...

– Ну что, как там наши кролики? – хмуро спросил «кум».

Это был молодой старлей из оперчасти. Сосунок, короче. А ведет себя так, будто равных ему в этом мире нет и быть не может. Лютый для него – пыль из-под сапог.

– Холод их раскумарил. Дурь по хате ходит.

– Опля! Откуда?

– Да кто-то из попкарей Иткина греет.

– Кто конкретно?

– Не знаю. Но кто-то из смены. Я так думаю, когда Иткин с прогулки шел, ему грев передали.

– А думать – это наше дело, Бобрыкин. Твое дело – точно знать, кто, что да как... Что с Иткиным, насчет пистолета пробивал?

– Да был разговор. Сказал, что в сортире нашел...

– Эту сказку он всем впаривает. А тебе он должен правду рассказать.

– Да я подмазывался, а он не ведется... – угрюмо буркнул Лютый.

Сломали его менты, ссучили. Обещали закрыть дело об изнасиловании и смягчить приговор по сто сорок пятой статье, но в обмен он должен был стучать на своих сокамерников. А тут Иткин к ним должен был заехать. Кум лично ставил задачу – разговорить Холода, разузнать всю его подно-

готную. Ради этого Лютый даже сцену с «наседкой» разыграл. Сорвал с нар терпилу и давай его буцкать. Типа, Иткин должен знать, что болтать лишнего не следует. Все вокруг враги. Один Лютый друг. Только с ним можно откровенничать. Но Холод не купился на этот трюк...

– Значит, плохо подмазывался, Бобрыкин. Смотри, если не раскрутишь Иткина, грош тебе цена. На хрена, спрашивается, нам такой барабан, который не стучит, а? Снимем тебя с довольствия, дружище, приклеим мохнатую кражу да еще слух пустим, что ты стукач.

– Не надо, – поежился Лютый. – Я сделаю все как надо.

– Я верю в тебя, Бобрыкин... – язвительно усмехнулся опер. – И так не хочется в тебе разочаровываться. Да, насчет довольствия...

«Кум» достал из ящика стола кусок халвы, завернутый в промасленную упаковочную бумагу.

– Налетай, подешевело...

Лютый молча взял небольшой кусочек, попытался его съесть – не получилось. Такое настроение, что кусок в горло не лезет. Жаль, что в камеру нести нельзя. Ведь он на допрос ходил, а не с родственниками встречался.

* * *

«Вертух» Вася честно отработал подкормку. Пока арестанты были на прогулке, он втихаря пробрался в опустев-

шую камеру, сунул Матвею под подушку посылку от Хруля. На этот раз Леша подогрел его самым настоящим аптечным морфием в ампулах. Шприц и жгут в хате были. Так что сегодня на ночь можно будет конкретно ужалиться. Хруль показал себя настоящим, честным пацаном, но еще неизвестно, хватит ли его надолго. Может, скурвится Хруль или заметут его вместе с Буйволом и Чириком, тогда кто дачки будет перегонять? А там Матвея на зону какую-нибудь «красную» засунут, где с дурью большой напряг. Кто его знает, сколько лет в кумаре пройдет. Так что нужно наперед вставляться, пока возможность есть.

Там же в пакетике с ампулами Матвей обнаружил маляву с воли. Хруль писал, что пробил заданную тему. Подтвердились самые мрачные прогнозы...

Лютого привели с допроса. Он с ходу плюхнулся на шконарь, зарылся головой в подушку. Матвей подсел к нему.

– Случилось что?

Лютый перевернулся на спину.

– Да не, все в норме. Дело в суд передают, так что на этап скоро. Скорей бы на зону, там простора больше.

– Так вроде бы тебя и здесь неплохо кормят, – усмехнулся Матвей.

Он склонился к Лютому, плавно вдохнул ноздрями воздух. Знакомый запах.

– Халвой от тебя пахнет, – определил он.

– Да ты чо, какая халва! – встрепенулся Лютый.

– Вот и я думаю, кто ж тебя угостить мог?.. У «кума» был?

– Ты чо! – взревел Лютый.

Но Матвей не дал ему подняться. Двумя руками схватил его за горло и прижал к подушке. В ноги Лютому упал Хвощ – чтобы не брыкался. За руки держал его Берендей. Один блатарь стоял на стреме. Костыль сидел за столом и ждал, когда Лютый зажмурится...

Хруль пробил ситуацию вокруг Лютого. За грабеж пацана повязали, это верно. Но еще была и мохнатка. Только вот баба заявлять на Лютого не стала: огласки не хотела. Но менты на то и менты, чтобы капканы ставить. Застращали Лютого – или стучи, или дупло свое под раздачу подставляй. Хруль вышел на мента, который был в курсе этой истории. Он же и организовал утечку информации. А с недавних пор Матвей доверял Леше Хрулеву так же, как самому себе. Да и братва на хате пацана уважала – все ж с его дачек грелись... Короче, Лютого приговорили. И сейчас Матвей лично приводил приговор в исполнение. Сам вывел суку на чистую воду, сам же должен его и замочить. А брать на себя смерть гада он не боялся. Братва не выдаст, мент не съест.

Рано утром дневальный «неожиданно» обнаружил Лютого, за полотенце подвешенного к дужке своего шконаря. Его смерть преподносилась как самоубийство. Но кумовья не очень-то поверили в такой расклад. Только вот назначенное расследование ни к чему не привело. Никто в камере не видел, как убивали Лютого, зато многие слышали, как он жа-

ловался на свою судьбу и вслух подумывал о самоубийстве. Короче, Матвей остался на плаву. Более того, планка его авторитета конкретно поднялась.

Хруль нашел башковитого и пронырливого адвоката. И бабок на защиту он не жалел. Адвокат подмазал судейских, а с прокурорскими сошелся в штыки. Напрасно обвинители на суде пытались привязать Матвея к злосчастному пистолету – судья так и не признал за ним нападения на лейтенанта милиции.

Прокурор пытался пришить ему эпизод по Новожильску. Докопались-таки менты до его подвигов на ниве экспроприации – новожильские мусора поделились информацией. Даже свидетеля нашли – Рубайло Валерия Михайловича, конкурента икорного дельца Коли Торопова. Матвей развел его на пару с Рыбцом. Под прикрытием фальшивых «корочек» повязали его с поличным, когда он икру в кабак пытался сдать. Вывезли за город, популярно объяснили, что деньги – это зло, и сняли с него восемьдесят штук рублей и около тридцати тысяч американских долларов. Хороший был улов. Мужик не очень-то хотел отдавать деньги, но Буйвол долго вымачивал его в холодной воде и в конце концов довел до кондиции... Сам Рубайло в ментовку не пошел, но развел базар по своим знакомым, так и до мусоров слух дошел. Вышли они на козла, раскололи его, уговорили его дать показания против Матвея. Но позабыли обеспечить свидетеля охраной или решили, что в стране развитого социализма бояться ему

нечего. А Хруль с пацанами добрался до терпилы, вставил ему фитиля. Короче, на суде Рубайло лепетал, что никогда в жизни не видел ни Матвея, ни Рыбца...

Зато не смог Матвей отмазаться от драки в кабаке. Но опять же мент и его дружок первыми напали на него. Адвокат даже свидетелей представил, которые видели, как Олег Соломин ударил Михаила Рыбкова. Но прокурор подвел к присяге свидетелей, которые видели, как Матвей выхватывал пистолет и передергивал затвор. К тому же он ударил «афганца» Соломина и повредил тому позвонок. Тяжелые увечья...

Да и проходили Матвей и Рыбец как рецидивисты. И, если бы судья не цапнул дачку, он бы мог впаять им лет по десять усиленного режима. Но Матвей схлопотал всего пять лет строгого режима, а Рыбец – четыре. Одного отправили на Колыму, а другого заслали в Воркуту.

Путь до Магадана занял целый месяц. По Транссибирской магистрали до бухты Ванино, откуда этап шел по морю. Полторы недели в «столыпине» показались Матвею легкой, развлекательной прогулкой по сравнению с морским путешествием. Убогий пароходик шатало так, что арестантов выворачивало наизнанку. Блевотина волнами каталась по полу трюма. За бортом тридцать градусов, да еще сам трюм располагался по соседству с машинным отделением. Жар от старинных угольных котлов вызывал жуткое сравнение с преисподней в аду, а кочегары казались чертями. За счастье было

получить тепловой удар и уйти в отключку, тогда конвой вытаскивал бесчувственного зэка на палубу и отливал холодной забортной водой. Два-три часа в раю и снова в ад...

Наконец, проклятый пароход прибыл к месту. Жизнь на «строгой» зоне не сахар, но Матвей радовался прибытию так, будто его ждал санаторий.

Масть на зоне держал вор, который хорошо знал Босого. Малява с воли опередила Матвея, поэтому смотрящий принял его как родного. Но расслабляться было рано. Матвей должен был доказать, что человек он правильный и достойный воровской короны. И он доказывал.

Через год он был поставлен смотрящим по отряду, а через два объявлен положенцем. До высшего воровского титула осталось совсем чуть-чуть...

Его час пробил на четвертом году отсидки. Ссмотрящий зоны пробовал поднять зону на бунт, но из этого ничего не вышло. «Кум» вовремя просек фишку и задавил бузу в самом зародыше. Ссмотрящего перевели на Тулунскую спецзону, а его место занял Матвей. Он оправдал высокое доверие – расшатал и разморозил зону. Ментам даже пришлось вводить войска, чтобы утихомирить заключенных.

Зачинщиков бунта раскидали по разным зонам. Матвей тоже ушел на этап. Но покидал он зону в ранге законного вора. Все-таки он добился своего...

Даша в изнеможении лежала на спине – волосы разметаны по подушке, руки разбросаны в стороны, высокая грудь вздымается в такт глубокому дыханию. Простыня отброшена, и все ее прелести как на ладони – упругие мячики грудей, плоский животик, в меру широкие бедра, стройные сильные ноги. Нежная матовая кожа пахнет розовым маслом, волосы пропитаны ароматом луговых трав. И это при том, что на дворе лишь апрель и еще рано выезжать за город на прогулку. Она всегда так пахнет. И ее запах присутствует в его памяти всегда...

Ей уже двадцать, она студентка третьего курса мединститута. Умница, отличница. После занятий сразу идет домой, ну иногда заскочит к Оксане Соломиной – они же подруги. Оксана даже в консерваторию поступать не захотела. Даша в медицинский, и она туда же поступила. Подозрительных знакомств не водит, на студенческих вечеринках не пропадает. Словом, честно ждет Сергея. А он ходил в увольнение раз в неделю – в субботу или воскресенье. И все свое время посвящал Даше.

Первый раз *это* произошло у них, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Сергей так волновался – и даже не потому, что ему не терпелось познать любимую девушку. Его тревожила мысль, что Даша уже зналась с кем-то до него. Но нет,

он взял ее девочкой. И с тех пор у них *этов* порядке вещей. Зачастую инициатором становилась Даша. И, хотя в Стране Советов официально секса не было, ей очень понравилось им заниматься. Само собой, Сергей только рад был забраться с ней под одеяло. И был бы счастлив, если бы в ней зародилась новая жизнь.

Но Даша не зря училась в медицинском. Народ в темной своей массе и не подозревал о существовании иных контрацептивов, помимо резиновых изделий. А Даша глотала какие-то таблетки. Правда, делала она это тайком, но Сергей – будущий оперативник, от него ничего не скроешь...

– Тебе уже пора? – не открывая глаз, спросила она.

Сегодня он был в ударе и угодил ей по всем статьям. И она сама старалась. После бурной сцены не хотелось подниматься с постели, одеваться, ехать в казарму. Но делать нечего.

– Пора... – уныло вздохнул Сергей.

– Ты что-то хотел сказать? – предвосхитила его слова Даша.

– Хотел... Мы уже четыре года вместе. Не пора ли узаконить наши отношения?

На протяжении последних двух лет он постоянно предлагал ей руку и сердце, но Даша увиливала от прямого ответа. Вроде бы и не «против», но и не «за»...

– Семейным хочешь быть? В увольнительные на ночь ходить? Нехорошо, товарищ старшина, прятаться под женской юбкой от тягот и лишений.

Вот и сейчас она отшутилась. Да, действительно, семейные курсанты имели право каждую ночь ходить к жене под бочок. Тогда как неженатые курсанты могли ходить в увольнительные только по выходным, ну на четвертом курсе – каждый день, но лишь после самоподготовки и до отбоя. Но Сергей и без обручального кольца на пальце мог позволить себе роскошь ночевать дома каждый день. Только какой в этом смысл? Они же не живут с Дашей вместе. Она живет со своими родителями, он – со своими. Ее мама позволяет Даше приходить к нему домой, его родители не имеют ничего против того, чтобы они запирались в его комнате. Но на ночь они там остаться не могут. Они же не оформили свои отношения. А одному ночевать дома резону нет. Вставать рано утром, ехать на троллейбусе через весь город...

– Ну я же не говорю, что мы должны пожениться прямо сейчас. Летом у меня выпуск, офицерские погоны, диплом. Давай сразу после выпуска распишемся...

– Нет, – достаточно твердо сказала она.

Медленно поднялась с постели, сорвала со стула халат, набросила на себя. Открыла окно, полной грудью вдохнула свежий воздух.

– Почему нет?

Ему не нравилась ее категоричность. И то, что Даша нервничает, тоже не нравилось...

– Потому что... Олег тебе привет передавал...

Она не смотрела ему в глаза.

– При чем здесь Олег?

Олег жил с родителями. Врачи ничем не смогли помочь ему – он так и остался инвалидом. Отец купил ему дорогую импортную коляску на электрической тяге, чтобы он свободно перемещался и по квартире, и по улице. Но разве ж это жизнь...

– При том, что ему жить неохота. Молодой, с образованием, а прикован к инвалидной коляске. И это до конца жизни.

– Олег – мой друг. И я его люблю, как лучшего друга. Но я тебя замуж зову, а ты про него вдруг вспомнила... Что ты этим хочешь сказать?

– А то, что я не только к Оксане хожу. Я и с ним много общаюсь. Он... Я не должна была тебе этого говорить. Это он так думает, что не должна. А я думаю, что должна. Он сделал мне предложение...

– Кто?! Олег?! Да, я знаю, ты ему очень нравишься. И он тебе нравился. Когда-то...

Сергея уже трясло от волнения. В голове шумело, перед глазами расплывались мутные круги.

– Почему когда-то? – с вызовом, но в то же время испуганно посмотрела ему в глаза Даша. – Он мне и сейчас нравится. И не меньше, чем ты.

– Но ты же со мной, а не с ним.

– С тобой. А должна быть с ним.

– Почему?

– Да потому, что ты молодой и здоровый. Ты можешь най-

ти себе сто, двести таких девушек, как я. А Олег – инвалид...

– И он сделал тебе предложение?

– Да. И ты не должен обижаться на него. Это шаг отчаяния. Он уже сейчас хочет поставить крест на своей жизни. И если я откажу ему, тогда все...

– Но ты же не можешь принять его предложение?

– Почему не могу? Могу. Очень даже могу. Он же готов был пожертвовать собой ради меня. Вспомни ту драку с бандитами. К тому же я медик и призвана спасать людей. Да и Олег мне нравится. Да, он инвалид, но прежде всего он человек.

– Но он же ничего не может!

– Не может, – кивнула Даша. – Ниже пояса у него отнялось все. Все!.. Да, я женщина, и мне нужен мужчина. Но я в принципе могу обойтись без *этого*. Это только кажется, что женщины не могут жить без секса. В частности, мне так кажется. Но я-то знаю, что при определенных обстоятельствах включается так называемый механизм торможения, тогда можно прожить без секса хоть всю жизнь.

– И ты готова пожертвовать собой ради Олега?

Душа Сергея разрывалась на части. С одной стороны, он до смерти боялся потерять Дашу, а с другой стороны, на карту была поставлена судьба его боевого друга.

Он хотел, чтобы Олег был счастлив. Но не с Дашей. Но так уж вышло, что только Даша может сделать его счастливым.

– Готова. Если ты мне поможешь.

– Чем я могу помочь тебе?

– Не удерживай меня. Ты мне не отец, но я бы хотела получить от тебя что-то вроде благословения...

– Ты думаешь, это так просто?

– Это ужасно сложно! Но нам нужно решиться. Мы оба должны пожертвовать собой ради Олега.

– Я... Я не знаю, как поступить. Я... Я не могу тебя потерять.

Сергей не был подлецом. Как всякий честный человек, он понимал, что Даша совершает подвиг. Но он не мог ее благословить. Он очень ее любил.

– А ты не теряй. Ты же говорил, что после распределения можешь остаться в Омске. Вот и оставайся. Я буду приходить к тебе.

Даша поднялась со своего места, мягко подступила к нему, нежно обвила рукой его шею, коснулась губами его уха. Взволнованно прошептала:

– Так уж получилось, что я люблю и тебя, и Олега.

Она любила Олега. Любила! Она выйдет за него замуж. А Сергей будет ее любовником. Нет, это не цинизм, это правда жизни. Но Сергей не хотел такой правды.

Часть II

Глава пятая

1

Семь лет в кумаре – мука такая, что врагу не пожелаешь. Зона – «красная», «хозяин» – зверь, «кум» – шакал. Всеходы и выходы гады перекрыли – ни шмаль не пронесешь, ни ширку. Юре Лошаку во сне снилось, как он бежит по маковому полю, охапками срывает цветы, выдавливает из них сок, заряжает «баян»... Он о женщине так не мечтал, как об уколе.

И вот наконец его мечта исполнилась. Семь лет отсидки позади, звонок отзвенел, и он дома в родном Новожильске. А там кореша – Пендаль и Калач. Лошак сразу на «малину» к ним закатился. А на хате только Ленка, сестра Пендаля, – еще та курва. Баба сразу в штаны к нему полезла. Ей и тридцати нет, но выглядит на все сорок. Срок мотала, ширяется, водку и винище глушит – не просыхает. Братва-то в принципе с ней считается, но махать ее никто особо не хочет. А Юра вроде как после зоны, до женского пола охоч. Но, ни фига, он Ленку на кухню погнал, к плите. Она дозу сообра-

зила, они на пару втерли. Раскумарился Лошак – такой приход поймал, что Ленка ему Еленой Прекрасной показалась. Пахал ее до тех пор, пока братья с дела не вернулись. Была поляна, было бухло. Снова ширка, снова Ленка под плугом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.